Вячеслав И. Иванов

ПРОЗРАЧНОСТЬ

I

ПОЭТЫ ДУХА.

Снѣга́, зарей одѣты
Въ пустыняхъ высоты,
Мы—Вѣчности обѣты
Въ лазури Красоты.

Мы—всплески рдяной пѣны
Надъ блѣдностью морей.
Покинь земные плѣны,
Возсядь среди царей!

Не мни: мы, въ небѣ тая,
Съ землей разлучены:—
Ведетъ тропа святая
Въ заоблачные сны.

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Прозрачность! купелью кристальной
Ты твердь улегчила—и тонетъ
Луна въ среброзарности сизой.
Прозрачность! ты лунною ризой
Скользнула на влажныя лона;
Плѣнила дыханія мая
И звукъ отдаленнаго лая
И призраки тихаго звона.
Что полночь въ твой сумракъ уронитъ,
Въ бездонности тонетъ зеркальной.

Прозрачность! колдуешь ты съ солнцемъ,
Сквозной раскаленностью тонкой
Лелѣя пожаръ летучій;
Колыша подъ влагой зыбучей,
Во мглѣ голубыхъ отдаленій,
По мхамъ малахитнымъ узоры;
Граня снѣговерхія горы
Надъ смутностью дольнихъ селеній;
Просторъ раздражая звонкій
Подъ дальнимъ осеннимъ солнцемъ.

Прозрачность! воздушною лаской
Ты спишь на челѣ Джоконды,
Дыша покрываломъ стыдливымъ.
Прильнула къ устамъ молчаливымъ—
И вѣчностью вѣетъ случайной;
Таящейся таешь улыбкой,
Порхаешь крылатостью зыбкой,
Безсмертною, двойственной тайной.
Прозрачность! божественной маской
Ты рѣешь въ улыбкѣ Джоконды.

Прозрачность! улыбчивой сказкой
Содѣлай видѣнія жизни,
Сквознымъ—покрывало Майи!
Яви намъ блѣдные раи
За листвою кущъ осеннихъ;
За радугой легкой—обѣты;
Вечерніе скорбные свѣты
За цвѣтомъ садовъ весеннихъ!
Прозрачность! божественной маской
Утишь изволенія жизни.

НЕБО ЖИВЕТЪ.

Сумеречно слѣпнутъ
Лугъ и лѣсъ и нива;
Облачныя дива
Лунной силой крѣпнутъ.

Крѣпнутъ силой лунной
Неба паутины,
И затоны—тины
Полны свѣторунной.

Накренились горы
Къ голубымъ расколамъ.
Мгла владѣетъ доломъ,
Въ небѣ рѣютъ взоры.

Крыльевъ лебединыхъ
Взмахомъ Греза рѣетъ
Тамъ, гдѣ вечерѣетъ
На летучихъ льдинахъ;

Лебедью садится
У краевъ уклонныхъ;
Въ черноту бездонныхъ
Кладязей глядится,—

Въ глубь, гдѣ ночь пустила
Синею излукой
Парусъ крутолукій
Блѣднаго свѣтила.

ДОЛИНА — ХРАМЪ.

Звѣзда зажглась надъ сизой пеленой
Вечернихъ горъ. Странъ утреннихъ вершины
Встаютъ, въ снѣгахъ, убѣлены луной.
Колокола поютъ на днѣ долины.

Отгулы полногласны. Мглой дыша,
Тускнѣетъ лугъ. Священный сумракъ вѣетъ.
И дольняя звучащая душа,
И тишина высотъ — благоговѣетъ.

ДУША СУМЕРЕКЪ.

Въ прозрачный, сумеречно-свѣтлый часъ,
Въ полутѣни сквозныхъ вѣтвей,
Она являетъ свой ликъ и проходитъ мимо насъ —
Невзначай,—и замретъ соловей,
И клики веселій умолкнутъ во мглѣ луговъ
На легкій мигъ—въ жемчужный часъ, часъ мечты,
Когда медленнѣй дышатъ цвѣты—
И она, улыбаясь, проходитъ мимо насъ
Чрезъ тишину... Тишина таитъ боговъ.

О тишина! тайна боговъ! о полутѣнь!
О робкій даръ!
Улыбка распутій! крылатая вѣчность скрестившихся чаръ!
Межъ тѣмъ, что—Ночь, и тѣмъ, что—День,
Рѣй, молчаливая! медли, благая!
Ты, что держишь въ рукѣ изъ двухъ пламеней звѣздныхъ вѣсы!
Теплится золото чаши въ огняхъ заревой полосы;
Чаша ночи восточной звѣздой занялась въ поднебесьѣ!—
О равновѣсье! —
Мигъ—и одна низойдетъ, и взнесется другая...

О тишина! тайна боговъ! о полутѣнь!
Межъ тѣмъ, что—Ночь, и тѣмъ, что—День,
Безсмертный ликъ остановивъ,
Мглой и мерцаньемъ новей чело
Въ часъ, какъ отсвѣтомъ ночи небесъ свѣтло
Влажное стекло
Въ сумракѣ сонномъ ивъ!

FIO, ERGO NON SUM.

Жизнь—истома и метанье,
Жизнь—витанье
Тѣни бѣдной
Надъ плитой забытыхъ рунъ;
Въ глубинѣ ночныхъ лагунъ
Отблескъ блѣдный,
Трепетанье
Бликовъ бѣлыхъ,
Струйныхъ лунъ;
Жизнь—полночное роптанье,
Жизнь—шептанье
Онѣмѣлыхъ, чуткихъ струнъ...

Погребеннаго возстанье
Кто содѣетъ
Яснымъ зовомъ?
Кто владѣетъ
Властнымъ словомъ?
Гдѣ я? гдѣ я?

По себѣ я
Возалкалъ!
Я—на днѣ своихъ зеркалъ.
Я—предъ ликомъ чародѣя
Рядъ встающихъ двойниковъ,
Бѣгъ предлунныхъ облаковъ.

ТЕМЬ.

О темная Земля!
Ты любишь Солнце; Солнцемъ ты любима.
Мечъ Херувима
Испепелилъ одежды
Твои, вдова Эдема: даръ надежды,
Духъ умоля,
Ты сберегла, опальная Земля!

Данъ Солнцамъ свѣтъ,
И темь—Землямъ. И Духъ вездѣ, страдальный.
Но Мракъ печальный
Утѣшенъ озареньемъ;
И страждетъ Свѣтъ, своимъ свѣтясь горѣньемъ.
Ахъ, дара нѣтъ
Тому, кто—даръ! И кто освѣтитъ—Свѣтъ?

Алчба лучей; алчба
Исполниться; и сирый плачъ вдовицы,
И страсть юницы,
И материнства муки—
Тебѣ даны съ завѣтами Разлуки!
Тебѣ—гроба
И колыбель! тебѣ—небесъ алчба!

Твои, о Мать, сыны—
Съ тобой въ тоскѣ на небо мы взираемъ
За чуждымъ раемъ;
Какъ ты, живемъ надеждой,
И наги мы подъ солнечной одеждой;
Какъ ты—темны,
Твой зрящій сонъ мы зримъ, твои сыны!

Но Небомъ былъ зачатъ
Нашъ темный родъ—Титановъ падшихъ племя.
И Солнца сѣмя,
Прозябнувъ въ насъ, освѣтитъ
Твой ликъ, о Мать!.. Ахъ, если Свѣтъ, что свѣтитъ,—
Въ себѣ распятъ,—
Пусть Духъ распнетъ насъ, кѣмъ твой свѣтъ зачатъ!

ОТЗЫВЫ.

«Тайный!»—звала моя сила: «Откликнись, если ты сущій!»
Нѣкто: «Откликнись, коль ты—сущій!»—отвѣтствовалъ мнѣ.

И повторилъ мнѣ: «Ты—сущій!..» И звалъ я, радостный: «Вотъ я!»
Радостный, кто-то воззвалъ: «Вотъ я!»—и смолкнулъ. Я ждалъ.

Гнѣвъ мой вскричалъ: «Тебя нѣтъ!»—«Тебя нѣтъ!» прогремѣлъ мнѣ незримый
И презрѣньемъ отзывъ запечатлѣлъ: «Тебя нѣтъ!..»

«Маску сними!»—мой вызовъ кричалъ; и требовалъ кто-то:
«Маску сними!»—отъ меня. Полночь ждала. Я нѣмѣлъ.

«Горе! я кличу себя!»—обрѣло отчаянье голосъ:
И, безнадежный, сказалъ кто-то: «Я кличу себя!..»

БЕЗКОНЕЧНОЕ.

G. Leopardi.

Всегда любилъ я холмъ пустынный этотъ
И изгороди тёренъ, отѣснившій
Предъ взоромъ край послѣднихъ отдаленій.
Я тамъ сижу, гляжу—и безпредѣльность
Пространствъ за терномъ тѣснымъ, и безмолвій
Нечеловѣческихъ покой сверхмірный
Впечатлѣваю въ духъ,—и къ сердцу близко
Приступитъ ужасъ... Слышу: вѣтръ шуршащій
Отронулъ заросль,—и сличаю въ мысляхъ
Ту тишину глубокаго покоя
И этотъ голосъ,—и воспомню вѣчность,
И мертвые вѣка, и время наше,
Живущій вѣкъ, и звукъ его... Такъ помыслъ
Въ неизмѣримости плыветъ—и тонетъ,
И сладко мнѣ крушенье въ этомъ морѣ.

СЛОКИ.

I.

Кто скажетъ: «Здѣсь огонь»—о пеплѣ хладномъ
Иль о древахъ сырыхъ, сложенныхъ въ кладу?
Горитъ огонь; и, движась, движетъ сила;
И волитъ воля; и гдѣ воля—дѣйство.

Познай себя, кто говоритъ: «Я—сущій»;
Познай себя—и нарекись: «Дѣянье».
Нѣтъ Человѣка; бытіе—въ покоѣ;
И кто сказалъ: «Я есмь»,—покой отринулъ.

Познай себя. Свершается свершитель,
И дѣлается дѣлатель. Ты—будешь.
«Жрецъ» нарекись, и знаменуйся: «Жертва».
Се, дѣйство—жертва. Все горитъ. Безмолвствуй.

II

Познай Рожденья таинство. Движенье
Родитъ движенье: что родить Покою?
Тому, что—кругъ, исхода нѣтъ изъ круга.
Алчба—зачатье; и чревато—Дѣйство.

Познай себя, отъ Дѣйствія рожденный!
Огнемъ огонь зачатъ. Умретъ зачавшій.
Жрецъ отчій—ты, о жертва жертвы отчей!
Се, жертва—Сѣмя. Все горитъ. Безмолвствуй.

III

И тайнаго познай изъ дѣйствій силу:
Мечъ жреческій—Любовь; Любовь—убійство.
«Отколѣ жертва?»—ТЫ и Я—отколѣ?
Все—жрецъ, и жертва. Все горитъ. Безмолвствуй.

КРЕСТЪ ЗЛА.

Сказанія простого
Какъ смыслъ вмѣстятъ уста?
Вблизи креста Христова
Стояли два креста.

Какъ изрекутъ, о братья,
Уста соблазна вѣсть?
И Грѣхъ—алтарь распятья,
И Зла Голгоѳа есть!..

Вблизи креста Христова—
Два жертвенныхъ креста:
Свѣтъ таинства простого
Какъ изъяснятъ уста?

ПЕРСЕФОНА.

Свершился годъ—
И небо синѣй,
И съ темнаго лона
Я встаю,
И Матери—Геѣ
Вѣнецъ вію,
И веду хороводъ
Весеннихъ дней,
О смертный родъ!—
Царица тѣней,
Персефона.

Кто мудръ, назови
Мной Меня. Кто мудрѣе,
Что одна Я—пойми,
И двухъ прими,—
Но третью Меня зови.

Весна,
Я встаю
На пажить твою,
О смертный родъ,—
Изъ темнаго лона!
И свѣтлыхъ дней
Веду хороводъ,
И Мною твердь
Сіяетъ яснѣй,—
Царица тѣней,
Богиня Сна
Весна—
И Смерть—
Персефона.

ДВѢ ЛЮБВИ.

Таился я росинкой малой;
Но первый лучъ застигъ меня,
Восхитилъ, жадный, въ облакъ алый,—
И мертвъ я былъ въ лазури дня.

Подъ небомъ громъ мятежный грянулъ,
Я слышалъ зовъ тоски земной,—
Воскресъ—и хладной каплей канулъ
На долъ, отображенный мной.

И мигъ — я жилъ, и Мать на лоно
Меня пріемлетъ, гдѣ въ ночи
Поютъ мнѣ пѣснь родного звона
Неотлучимые ключи.

ДРІАДЫ.

О души дремныя безропотныхъ деревъ,
Намъ сестры темныя—Дріады!
Обличья зыбкія зеленоокихъ дѣвъ,
Зеленовѣйныя прохлады,
Ковчеги легкихъ душъ, святилища деревъ!

Живые облаки неузнанныхъ божествъ
Средь обезбоженной природы!
Надъ сонмомъ безъ вѣнковъ, надъ міромъ безъ торжествъ
Листвы пророчественной своды
Вы нѣмо зыблете, о скиніи божествъ!

Прислушайся, одинъ, въ смарагдной тишинѣ
Къ пустыннымъ шелестамъ Дріады!
Открой уста души—и пей, какъ въ смутномъ снѣ,
Наитье сумрачной отрады!
Ты, вѣщій,—не одинъ въ безлюдной тишинѣ!

Съ тобой, внѣ времени, предѣловъ и пространствъ,
Плыветъ и жизнью нѣжной дышитъ
Душа подъ космами таинственныхъ убранствъ
И, упоенная, колышетъ
Всей чуткой ощупью свой сонъ въ струяхъ пространствъ

Ни граней, ни годинъ, ни ликовъ «Ты» и «Я»
Она божественно не знаетъ,
И цѣльнымъ нектаръ пьетъ изъ сердца бытія,
И никого не вспоминаетъ.
И въ нераздѣльности не знаетъ «Ты» ни «Я».

Истома знойныхъ грозъ, и сладкій вѣтръ Весны,
И вздохи Осени печальной
Ей снятся въ ней самой—потерянные сны
Пустой бездонности зеркальной,—
И душу сонную лелѣетъ вѣтръ Весны...

Такъ Древо тайное растетъ душой одной
Изъ влажной Вѣчности глубокой,
Одѣтое міровъ всечувственной весной,
Вселенской листвой звѣздноокой:
Се, Древо Жизни такъ цвѣтетъ душой одной.

Восходятъ силы въ немъ въ мерцающую сѣнь
Изъ лона Вѣчности обильной,
И силы встрѣчныя струятся въ сонъ и тѣнь
На лоно Вѣчности могильной,—
Гдѣ корни звѣздную распростираютъ сѣнь.

Глядятся Жизнь и Смерть очами всѣхъ огней
Въ озера Вѣчности двуликой;
И корни—свѣтъ вѣтвей, и вѣтви—сонъ корней,
И все одержитъ стволъ великій,—
Одна душа горитъ душами всѣхъ огней.

ПАНЪ И ПСИХЕЯ.

Я видѣлъ: лилею въ глубокихъ лѣсахъ
Взлелѣялъ Панъ.
Я слышалъ Психею въ лѣсныхъ голосахъ:
Ей вторилъ Панъ.

Я ухомъ приникъ: она брала
Его свирѣль,
Дышала въ тростникъ—и новой жила
Тоской свирѣль.

И Панъ сводилъ на дивный ладъ
Былой напѣвъ,
И робкой будилъ пѣснью Дріадъ,
Дремотныхъ дѣвъ.

УВѢНЧАННЫЕ.

Мнѣ грезятся тропы
Молитвенныхъ ѳеорій
И смятые нагорій
Священные луга;
И легкія стопы
Пророческихъ веселій,
Дыханіемъ свирѣлей
Возвѣянныя ноги—
За черные пороги
Летящіе снѣга.

Мнѣ грезятся уста
Нѣмого умиленья;
Любви напечатлѣнья,
Невѣдомой досель;

Смарагдныя мѣста
Таинственныхъ радѣній;
Древа боговидѣній;
Холмы лобзаній зе́мныхъ,
И пламень вратъ тюремныхъ,
И боговѣщій хмель!

Мнѣ грезятся чела,
Вѣнчанныя цвѣтами;
Вновь гордыя, цвѣтами
Увитыя чела;
Святыя вновь чела
Прекрасныхъ поколѣній!
Ихъ сонмъ—какъ сонмъ оленій
У струй, въ огняхъ денницы!
Ихъ очи—какъ зеницы
Воззрѣвшаго орла!

ВОЗЗРѢВШІЕ.

Отъ персти взятымъ бреньемъ
Сгорѣла слѣпота:
На дольнее прозрѣньемъ
Врачуетъ Красота.

Пора птенцамъ, Орлица,
Очами пить эѳиръ
Яви тѣнямъ—ихъ лица,
И страннымъ міра—міръ!

Весеннимъ увѣнчаньемъ
Вамъ никлыхъ уврачить,
Молчанію Молчаньемъ
Воззрѣвшихъ научить,—

О вы, чья медомъ дикимъ
Душа упоена,
Единымъ и Вселикимъ—
Безъ имени—полна!

Благословляю, други,
Дней вашихъ хороводъ
И столпныхъ сѣней дуги
Вкругъ ясной тайны водъ,

Голгоѳы храмовыя—
Первины холмныхъ главъ,—
И дѣйства лицевыя
Въ удоліяхъ дубравъ,

Мысы разсвѣтныхъ гимновъ,
И башни въ полѣ звѣздъ,
Скиты скитальныхъ скимновъ,
И скалы орлихъ гнѣздъ!

ЛѢТО ГОСПОДНЕ.

Милые братія!
Смеркнетъ сегодня
Солнце закатное
Въ дымныхъ заряхъ:
Но при дверяхъ
«Лѣто Господне
Благопріятное!»
Пламень обѣта
На алтаряхъ,
Братья Разсвѣта!

Неба зачатія,
Духъ умоля,
Въ древнее чрево
Приметъ Земля.
Море ли пѣнится?
Дрогнула мгла;
Сине расцвѣчены
Горныя сткла.
День—за просвѣченной
Сткла свѣтозрачнѣе—

Острой горой.
Листвою Древо
Жизни одѣнется,
Юной корой.

Сердце измѣнится.
Взоръ удаленнѣе,
Пѣснь умиленнѣе
Въ тонкой тиши.
Пещь распаленнѣе —
Огнь убѣленнѣе:
Вейся прозрачнѣе,
Пламень души!

РАДУГИ.

Рокоты лирные,
Спектры созвучные,
Славятъ, отвѣтные,
Васъ, огнезвучныя
Струны всемірныя,
Васъ, семицвѣтныя
Арки эѳирныя,
Ярко-просвѣтныя!
Рѣяній знаменья,
Вѣяній вѣстницы,
Райскаго ка̀менья
Легкія лѣстницы,—
Васъ, нисхожденія
Отсвѣты блѣдные,
И восхожденія
Двери побѣдныя!
Духа и бренія
Звенія брачныя,
Сны предваренія,
Сны огнезрачные,—

Васъ, семицвѣтныя
Дуги завѣтныя,
Радуги мирныя,
Кольца обѣтныя!

Неба лазурнаго
Тонкія зарева,
Дымныя марева
Сумрака бурнаго
Влажнымъ горѣніемъ
Вы напояете;
Вы раствореніемъ
Свѣтлой прозрачности
Въ молнійной мрачности
Сладко сіяете.
Рая павлинами
Вы возлетаете;
Горы съ долинами
Вы сочетаете;
Вздохами таете
Въ горнихъ селеніяхъ,
Въ буйныхъ стремленіяхъ
Дольними чадами
Надъ водопадами
Вы расцвѣтаете.

О мимолетныя,
Души безплотныя,
Міръ улегчите вы,
Міръ научите вы,
Какъ растворяется
Тайна въ явленіи,
Какъ претворяется

Тѣнь раздѣленія,
Какъ умиряется
Рознь семилучная,
Какъ оперяется
Жертва разлучная;
Какъ однозвучная
Вдругъ озаряется
Жизнь наша бѣдная;
Греза побѣдная
Высью неслѣженной
Въ ткани разрѣженной
Какъ воцаряется,
Какъ сиротливое
Ей увѣряется
Сердце тоскливое;
Какъ отворяется
Крыша тюремная;
Жажда надземная
Какъ одаряется!

Своды кристальные
Стройныхъ обителей,
Смѣлыхъ зиждителей
Замыслы дальные,
Взоры чаруйте намъ,
Сердце врачуйте намъ,
Тайну повѣдайте
Солнца прекраснаго,
Заповѣдь яснаго
Сна заповѣдайте:
Какъ улыбается
Свѣтлость подъ тучами;
Какъ нагибается
Легкость надъ кручами;

Какъ упиваются
Свѣтами зыбкими,
Осіяваются
Цвѣта улыбками
Мглы окрыленныя;
Какъ очищаются
Сумраки красками,
Какъ освѣщаются
Проливней плясками
Склоны зеленые.

ХМЕЛЬ.

— «Ахъ, это было пьянство бѣлаго луча!»—«Хмель, это—тайная душа нашей жизни. Міръ—хмель божества».

*** Пламенники.

Не извѣчно, вѣрь, изъ чашъ сафирныхъ
Боги неба пили нектаръ нѣгъ:
Буенъ былъ разгулъ пировъ предмірныхъ,
Первыхъ волнъ слѣпой разбѣгъ.

Наши солнца—тихое похмелье,
И на днѣ алѣетъ ихъ хрусталь:
Легче хмель, согласнѣе веселье,
И задумчивѣй печаль...

Но и древле распрей міръ, и нынѣ
Міръ разлукъ,—семи разлукъ свирѣль,
Пьяный сонъ луча въ его пустынѣ,—
Вѣчнаго прозрачный хмель.

ПРИШЛЕЦЪ.

С. А. Котляревскому.

Предреченный утѣшитель,
Гдѣ жъ онъ, гдѣ, Сивилла?—«Оглянись:
За тобой вершитель, разрѣшитель».
— Кто ты, чуждый?—«Діонисъ».

— Крестъ ли ты—иль тирсъ—возносишь?
—«Пышный тирсъ и крестъ—несутъ тебя».
— Ты чего отъ сердца властно просишь?
—«Что сердцамъ даю: себя».

— Отойди: намъ жребій битвы
Выпалъ черный.—«Я вамъ бранный хмель».
— Насъ сзываетъ благовѣстъ молитвы.
—«Съ нимъ поетъ моя свирѣль».

— Что твой знакъ?—«Прозрѣнье глаза,
Дальность слуха, окрыленье ногъ;
Угль, воскресшій радугой алмаза;
Въ чревѣ Я взыгравшій богъ».

ЦАРСТВО ПРОЗРАЧНОСТИ.

I.

АЛМАЗЪ.

Когда, сердца пронзивъ, Прозрачность
Исполнитъ солнцемъ темныхъ насъ,
Мы возблестимъ, какъ угля мрачность,
Преображенная въ алмазъ.

Взыгравъ игрою встрѣчъ небесныхъ,
Отвѣтный крикъ твоихъ лучей,
О Свѣтъ, мы будемъ въ граняхъ тѣсныхъ
Ты самъ—и цѣль твоихъ мечей!

Всепроницаемой святыней
Луча божественное Да,
Стань въ сердцѣ жертвенномъ твердыней,
Солнцедробящая звѣзда!

II.

РУБИНЪ.

Рдѣй, царь-рубинъ, рудой любовью,
Прозрачности живая кровь!
Затѣмъ, что жертвенною кровью
Взойдетъ божественная новь.

О, рокъ жреца! побѣда! слава!
Лучъ алый! пышность багреца!.
Но лютый тернъ—твоя оправа,
Слеза небеснаго вѣнца.

Ты красной волей ярко-властенъ,
О жизни замкнутый пожаръ!
Какъ солнце пагубное, страстенъ;
Какъ Да пылающее, яръ.

III.

ИЗУМРУДЪ.

Твоихъ лучей живыя силы
Въ прозрачныхъ свѣтахъ не замрутъ,
Пока луга весны намъ милы,
О ненаглядный изумрудъ!

Зелено-искристый и нѣжный,
Змій—царь зачатій Красоты,
Обѣтъ чудесъ въ дали безбрежной,
Зовъ вѣрный творческой мечты!

Земли божественная злачность,
Ея рождающее Да,
О просвѣтленной свѣтозрачность,
Ты будешь нашъ всегда, всегда!

IV.

САФИРЪ.

И ты, глубокій, радуй очи,
О сине-блещущій сафиръ,
Въ полуднѣ моря свѣтъ полночи,
Небесъ сгустившійся эѳиръ!

Въ прозрачной мглѣ и тайнѣ влажной
Нежгучихъ пламеней пожаръ,
Завѣтъ ты налагаешь важный
Безсмертной властью мудрыхъ чаръ.

О камень-волхвъ, о Да иное,
Чѣмъ нашихъ устъ невѣрныхъ Да!
Ты на землѣ—все неземное,
Ты—вѣчный синій путь... куда?

V.

АМЕТИСТЪ.

И ты, какъ вздохъ молитвъ утѣшныхъ,
Млѣй тѣнью сладкой, аметистъ!
Мерцай струями думъ безгрѣшныхъ,
Смиренномудръ, и благъ, и чистъ!

Умильный свѣтъ предъ ночью близкой,
Глубокихъ звѣздъ намекъ нѣмой,
Нисходишь ты до сферы низкой,
Одѣтъ прозрачностью и тьмой,

Изъ странъ, гдѣ сумракъ твой основой
Верховной блещетъ стѣнъ святыхъ,
И Да поешь надеждѣ новой,
И насъ преображаешь, тихъ.

VI.

ИСКУШЕНІЕ ПРОЗРАЧНОСТИ.

Когда насъ окрылитъ Прозрачность,
Всѣхъ безднъ зіяющая мрачность
Обниметъ радужную кручь—
И, къ нимъ склоняясь, Седмизрачность
Возжаждетъ слиться въ бѣлый лучъ.

Но ты удержишь духомъ сильныхъ,
О высей яркая среда,
Гдѣ слѣпнетъ власть очей могильныхъ
И въ преломленіяхъ умильныхъ
Поетъ всерадостное Да!

II.

ДВА ГОЛОСА.

И горлицъ рокотъ
Мнѣ ворковалъ:
Но прерывалъ
Ихъ орлій клёкотъ.

И нѣги лепетъ
Меня ласкалъ:
Но звѣздъ сверкалъ
Ревнивый трепетъ.

И взглядъ разлуки
Меня держалъ:
Но челнъ бѣжалъ
За мысъ излуки...

О яблонь въ долѣ
Весенній цвѣтъ!—
О снѣжный свѣтъ
Въ небесномъ полѣ!..

ЛЕМАНЪ.

Вечера павлины
Небеса рядили.
Двое нисходили
Изъ глухой долины.

Изъ глухихъ скитаній
Озеро манило.
Плесы наводнило
Пламя трепетаній.

Тамъ Судьба застигла
Двухъ, себя обрѣтшихъ.
На заряхъ разсвѣтшихъ
Оснѣжились иглы.

Чайка расплескалась;
Парусъ мрѣлъ далеко;
Съ рокотами рока
Озеро ласкалось.

Горныя горбины
Сумраки повили...
Тамъ остановили
Бѣглецовъ судьбины:

Вѣтра голосами
Смерть—иль жизнь—вѣстили;
Ужасая, льстили
Шаткими вѣсами.

Имъ въ тоскѣ покорной
Сердце внемля—ждало:
Да и Нѣтъ рыдало
Надъ пучиной черной.

Сестры ночи ткали;
И на скалъ устои
Чередой прибои
Да и Нѣтъ плескали.

Руки рукъ искали
На краю могилы.
Валъ за валомъ силы
Темныя толкали,—

Волей всеодержной
Нудили разлуку
И хватали руку
Изъ руки удержной,

И двѣ груди тѣсныхъ
Раздѣлить грозили...
Мечъ ихъ отразили
Копья силъ небесныхъ!

Жизни нерасцвѣтшей
Завязь поглотило,
Парусъ распустило
Надъ себя обрѣтшей

Вновь любовью робкой
Вѣчное Начало—
И двоихъ промчало
Надъ пучиной топкой!

И два сердца жили
Подъ лучомъ Пощады...
А на скалъ громады
Сумраки снѣжили...

МАДОННА ВЫСОТЪ.

Долго мы брели по кручамъ,
Пробирались по лѣсамъ,—
Ты да я,—не вѣря тучамъ,
Вѣря синимъ небесамъ.

Вотъ и выси, гдѣ Мадонна
Въ глубь разверстую глядитъ,
Въ глубь, что Ей съ полу-восклона
Свѣтлымъ облакомъ кадитъ, —

Гдѣ свой край благословляетъ
До равнинной полосы,
Что въ прозрачность удаляетъ
Кряжей тающихъ мысы.

И предъ Нею—блескъ озерный,
Грады, рѣки и луга,
И скалы страны нагорной,
И верховные снѣга...

Въ солнцѣ сосны. Вѣтръ колышетъ
Связку розъ у чистыхъ ногъ...
Въ сѣни смольной Роза дышитъ...
Въ Богѣ міръ, и въ сердцѣ—Богъ!

Les Voirons.

ЛИЛІЯ.

Подъ Тибуромъ, въ плющахъ руинъ,
Твой лучъ я встрѣтилъ
И стебель долгій—и одинъ
Тебя замѣтилъ.

И грезой, послѣ многихъ лѣтъ,
Зову, печаленъ,
Твой въ полдень мнѣ разсвѣтшій свѣтъ,
Звѣзда развалинъ!

Встань, на лазури стройныхъ скалъ
Души, бѣлѣя,
И зыбля дѣвственный фіалъ,
Моя лилея!

РАСКАЯНІЕ.

Мой демонъ! нынѣ ль я отринутъ?
Мой стражъ, я палъ, тобой покинутъ!
Мой стражъ, меня ты не стерегъ—
И врагъ пришелъ и превозмогъ!..

О, нѣтъ, мой демонъ! Боль позора
Родитъ притворный гнѣвъ укора!
Я внялъ твой зовъ,—прійти жъ не могъ,
Зане былъ нагъ и былъ убогъ.

Давно ль тебѣ, невиненъ, воленъ,
Какъ фарисей—самодоволенъ,
Давалъ я гордый мой зарокъ—
На вѣчный срокъ?.. На вѣчный срокъ!

Такъ торжествуетъ, сбросивъ цѣпи,
Бѣглецъ, достигшій вольной степи:
Но ждетъ его звенящихъ ногъ
Застѣнка злѣйшаго порогъ.

ЯСНОСТЬ.

Вл. С. Калабину.

Ясно сегодня на сердцѣ, на свѣтѣ!
Пѣснямъ природы, въ согласномъ привѣтѣ.
Внемлю я чуткой душой:
Внемлю раздумью и шопоту бора,
Рѣчи безмолвной небеснаго взора,
Плеску рѣки голубой.

Смолкли, уснули, тревожны, угрюмы,
Старые Сфинксы—вѣчныя думы;
Движутся хоры плѣнительныхъ грезъ;
Нѣтъ своей радости, нѣтъ своихъ слезъ.

Радости чуждой, чуждой печали
Сердце послушно. Ясны,
Взорамъ довѣрчивымъ въявѣ предстали
Воображенья волшебныя дали,
Сердце манящіе сны.

ПОЛНОТА.

Душа,—когда ея края
Исполнитъ солнечная сила,—
Глубокій полдень затая,
Не знаетъ дѣйственнаго пыла.

Ревнивъ божественный покой.
Какъ свѣтъ—безмолвіе обильныхъ.
Какъ солнце—ихъ любовь: какой
Милъ солнцу цвѣтъ луговъ умильныхъ?

Безбрачной волей красоты
Кто пьянъ, какъ оный нищій скряга,
Почій, какъ въ чашѣ полноты
Міры объемлющая влага.

СИНЕВА МОРЕЙ.

О, пиръ очей! О, созерцаній
Олимпъ! О, гордый кругозоръ
Морей—отъ розовыхъ Авроръ
До замирающихъ мерцаній!

О, пиръ очей на высотахъ!
Въ сафирныхъ чашахъ ихъ напитокъ!
Ихъ упоеній на устахъ
Неизреченный нѣмъ избытокъ.

Какъ оторву я жадный плѣнъ
Отъ нектара лазури сладкой?
Я гасну, голубыхъ Сиренъ
Пѣвучей ослѣпленъ загадкой.

ТЫ—МОРЕ.

Ты—море. Лобъ твой напухаетъ,
Какъ валъ крутой, и пеплъ огней
Съ высотъ грозящихъ отряхаетъ,
Какъ валъ косматый,—пыль гребней.

И свѣтлыхъ глазъ темна мятежность
Вольнолюбивой глубиной,
И шеи непокорной нѣжность
Упругой клонится волной.

Ты вся—стремленье, трепетъ страстный,
Пѣвучій плескъ, глубинный звонъ,
Восторга вихорь самовластный,
Порыва полоненный стонъ.

Вся волитъ глубь твоя незримо,
Вся бьетъ несмѣнно въ берегъ свой,
Однимъ всецѣлымъ умирима
И безусловной синевой.

ЗОЛОТОЕ СЧАСТІЕ.

Я блуждалъ въ саду блаженныхъ
И, влюбленныхъ дѣвъ увидя:
«Съ чѣмъ сравнимо ваше счастье?»
Ихъ спросилъ; онѣ жъ, потупясь:
«Съ розой утренней!»—шепнули.

Я спросилъ дѣтей счастливыхъ:
«Съ чѣмъ сравнимо ваше счастье?»
Очи тихія воскинувъ,
Дѣти молвили: «Съ небесной
Безмятежною лазурью».

Вопросилъ я свѣтлыхъ духовъ:
«Съ чѣмъ сравнимо ваше счастье,
Непорочные, святые?»
Возлетая, пѣли духи:
«Съ бѣлизною стройныхъ лилій».

И, склонясь съ участьемъ, Муза:
«Другъ, и ты въ саду блаженныхъ?
Съ чѣмъ твое сравнимо счастье:
Съ небомъ яснымъ, розой алой
Иль лилеей бѣлоснѣжной!»

Я жъ: «Мое не схоже счастье»,
Ей отвѣтствовалъ: «ни съ розой
Нѣжной, ни съ лилеей снѣжной,
Ни съ безоблачной лазурью:
Золотой мнѣ жребій выпалъ.

«Горячо и горделиво
Въ сердцѣ блещетъ солнце счастья,
Мещетъ вкругъ лучи златые,
Какъ власы златой Венеры,
Какъ моей царицы кудри!»

Улыбнулась нѣжно Муза:
«Дважды ты блаженъ и трижды,
Какъ блаженъ лишь Фебъ единый,
Лучезарный и влюбленный,
Строя лиру золотую».

ПѢСНИ ДАФНИСА.

I.

ЦИКАДЫ.

Цикады, цикады!
Луга палящаго,
Кузницы жаркой
Вы ковачи!
Молотобойные,
Скрежетопильные,
Звонко-гремучіе
Вы ковачи!
Любятъ васъ Музы:
Пѣніемъ въ узы
Солнечной дрёмы,
Пьяной истомы
Куйте лучи—
Въ часъ, когда Дафнисъ не спитъ, а Панъ
[грезитъ подъ облакомъ зноя!

Цикады, цикады!
Моря слѣпящаго,
Мглы среброзаркой
Плавьте мечи!
Сѐребро въ знойные
Горны плавильные
Сыпьте въ кипучіе,
Плавьте въ печи!
Сѐребро бѣлы:
Куйте мнѣ стрѣлы
Томныхъ пыланій,
Пьяныхъ желаній,
О, ковачи,—
Подъ теревинѳомъ смолистымъ, гдѣ сонно раски-
[нулась Хлоя!..

Цикады, цикады!
Полдня калящаго,
Кузницы яркой
Вы ковачи!
Молоты стройные,
Скрежеты сильные,
Зноя трескучіе
Вы трубачи!
Музамъ вы любы:
Куйте мнѣ въ трубы
Сладостной славы
Сѐребра сплавы,
Злата лучи—
Подъ теревинѳомъ побѣды, гдѣ съ Дафнисомъ—
[томная Хлоя!

II.

ИСПЫТАНІЕ.

«Что̀ блаженнѣй? Упоеній
Раздвигать цвѣтущій пологъ,—
Истощивъ ли наслажденья,
Отягченною ногою
Попирать порогъ увялый?

«Что̀ блаженнѣй? Въ нѣжныхъ взорахъ
Дерзкихъ ласкъ читать призывы—
Или видѣть очи милой,
Утомленныя тобою,
Безъ огня и безъ желаній?»

Такъ Эротъ, мой искуситель,
Испыталъ меня коварно,
Осчастливленнаго милой;
Я жъ, подругой умудренный,
Избѣжалъ сѣтей лукавыхъ:

«Вожделѣннѣй, сынъ Киприды,
Въ угашенныхъ взорахъ милой,
Безъ восторга, безъ призывовъ,—
Воспалять лобзаньемъ новымъ
Жадной страсти ѣдкій пламень...

«Ахъ, съ порога совершеній
Вожделѣннѣй возвратиться
Къ изступленьямъ ненасытнымъ!..»
И, смѣясь, Эротъ воскликнулъ:
«Другъ, вернись: ты ихъ достоинъ!»

III.

ВЕСНА.

Мы были дѣти —
Я, какъ она.
Улыбокъ сѣти
Плела Весна
По влажнымъ лонамъ
И по затонамъ
Ручьевъ, въ тиши,
И по притонамъ
Лѣсной глуши.
Мы были рыбки,
Сребристо-зыбки,
Въ сѣтяхъ Весны.

Мы у Весны
Одной учились,
И намъ лучились
Простые сны.

Гнѣздились птицы—
Дивились мы;
Какъ стадъ ягницы
Рѣзвились мы.
Лѣпили пчелы
Свои соты—
И намъ цвѣты
Копилы долы.

Но отъ вѣнковъ
Насъ звали козы
Туда, гдѣ грозы
Мглой облаковъ
Шли, склоны кроя.
Изъ тростниковъ
Пѣвуньѣ зноя—
Цикадѣ Хлоя
Плела затворъ;
И былъ не тѣсенъ
Дыханью пѣсенъ
Стволинъ просторъ.

Мы у Весны
Одной учились,
И обличились
Намъ сердца сны
Въ лугахъ Весны...
Мы были дѣти,
Когда намъ сѣти
Сплели Весны
Живой улыбки...
Мы были рыбки
Въ сѣтяхъ Весны!
Намъ снились сны...

IV.

ГРОЗА.

Ты помнишь лучъ
По благоуханной увлáжненной зелени,
И дальняго грома «прости» благосклонное,
И крупныя слезы Дріады смѣющейся,
Полновѣскія капли, звончатыя,
И буйство розъ
Въ твоихъ кудряхъ?

О, флейты любви!
Вы куда, куда ведете,
Къ стремнинамъ какимъ?..

Младенческой
Рукою вѣнокъ отрясала ты, рѣзвою
Рукою вѣнокъ отрясала развѣянный

И капли играли съ улыбкой ланитъ твоихъ,
И крупныя капли, алмазныя
Ласкали печаль
Твоихъ рѣсницъ...

V.

АПОЛЛОНЪ ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Зовомъ Пановой свирѣли
Лѣсъ весенній оглашонъ;
Очарованныя трели
Эхо мчитъ на Геликонъ.

И влюбленный пламень взора
Златокудрый сынъ Латò
Средь божественнаго хора
Устремилъ на Эратò.

Внемля Панову напѣву,
Отъ возвышенныхъ подругъ
Онъ уводитъ тайно дѣву
На цвѣтущій вешній лугъ.

И, влекомъ стремленьемъ томнымъ
Въ ней блуждаетъ, молчаливъ,
По ущеліямъ укромнымъ,
Въ чащахъ миртовъ и оливъ.

И послушную склоняетъ
Въ тихой рощѣ на траву,
И на грудь ея роняетъ
Отягченную главу.

И на лирѣ неразлучной
Пламень свой поетъ она;
И подъемлетъ стонъ созвучный
Аполлонова струна.

И подъ рокотъ пѣсни сладкой,
Робость нѣжную тая,
Обступаетъ ихъ украдкой
Трехъ нагихъ Харитъ семья;

И на прерванныя ласки,
Улыбаяся, глядитъ,
И подъ мѣру стройной пляски
Устыженнымъ говоритъ:

«Струнъ влюбленныхъ слышитъ пени
Грацій легкій хороводъ.
Ищетъ тайны, ищетъ тѣни
И безмолвныхъ встрѣчъ Эротъ.

«Нѣгъ порою скоротечной
Тайну сладостную крой;
Поминая пылъ сердечный,
Золотую лиру строй!»

LA LUNA SOMNAMBULA.

Луна течетъ во снѣ. О, не дыши—молчи!
Пусть дышатъ и дрожатъ и шепчутся лучи,
Пусть ищутъ и зовутъ и въ дремѣ легкоперстой,
Какъ сонъ, касаются души твоей отверстой.

Спитъ непробудно міръ и лунный ловитъ сонъ:
Луна зоветъ; Луну—зоветъ Эндиміонъ
Во снѣ... Пусть соловей одинъ поетъ разлуку:
Онъ не разбудитъ чаръ; онъ спитъ и внемлетъ звуку.

Полна всечувственнымъ исканьемъ тишина.
Молчи: въ душѣ дрожитъ Эолова струна,
Отзывная Лунѣ,—къ ней чутко простираетъ
Прерывный, блѣдный стонъ, тоскуетъ, замираетъ...

Какъ эхо близкое, душа, отлучена,
Таится... Близится, и льнетъ, и льнетъ Луна:
И, ей отронута, душа звенитъ и млѣетъ
И сонный поцѣлуй, безсонная, лелѣетъ.

ЦВѢТЫ.

Н. Е. Пояркову.

Зачѣмъ вы такъ унылы,
Цвѣты моей мечты?
—«Затѣмъ мы такъ унылы,
Что мы—цвѣты могилы».

И вы, луговъ цвѣты,
Зачѣмъ вы такъ унылы?
Цвѣтите намъ, цвѣты,
Улыбкой красоты!

—«Не тронь насъ. Мы унылы:
Мы вашихъ веснъ цвѣты,
Вамъ на гробахъ лишь милы,
Мы вамъ—цвѣты могилы.

«Мы будемъ вновь святы
Сынамъ расцвѣтшей силы,
Что̀ встанутъ увиты
Вѣнками красоты!»

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

Міра день шестой—тогда и нынѣ,
И не созданъ человѣкъ досель.
День седьмой—въ почіющей святынѣ
Вѣчнаго всезрящій хмель.

Избраннымъ дано вкушать мгновенья
Отъ его высокихъ благостынь:
Но, что̀ въ небѣ—вёсенъ дуновенье,
Долу—осеней полынь.

Исполненья осени побѣдной—
Лишь плоды стѣсненности долинъ.
Собирай же свой избытокъ бѣдный,
Вертограда властелинъ!

«Ты богатъ»,—поетъ багрецъ прощальный;
«Ты счастливъ»,—поетъ кристальный лучъ...
И торопитъ жизни пиръ печальный
Свѣжій гонщикъ черныхъ тучъ.

НЕДВИЖНОЕ.

Минувшее меркнетъ и стынетъ,
Иль свѣтится маревомъ дальнымъ;
Наплывомъ пахучимъ нахлынетъ,
Напѣвомъ домчится печальнымъ.

За островомъ островъ—въ туманахъ:
Тамъ призраки плѣнные плачутъ...
За островомъ островъ—въ туманахъ
Намъ дали свиданій означатъ.

Недвижное ждетъ насъ уныло;
И, кругъ завершая пловучій,
Мы снова,—гдѣ встанетъ, что было,—
Причалимъ подъ ивой плакучей.

ОСЕНЬЮ.

Ал. Н. Чеботаревской.

Рощи холмовъ, багрецомъ испещренныя,
Синія, хмурыя горы вдали...
Въ желтой глуши на шипы изощренные
Дикіе вьются хмели.

Лучъ кочевой серебромъ загорается...
Словно въ гробу, остывая, Земля
Пышною скорбію солнцъ убирается...
Стройно дрожатъ тополя.

Вѣтра порывы... Безмолвія звонкія...
Катится бѣлымъ забвеньемъ рѣка...
Ты повилики закинула тонкія
Въ чуткіе сны тростника.

ЖЕЛѢЗНАЯ ОСЕНЬ.

Гдѣ огневой поры
Червленѐцъ любезный?
О, золотой игры
Конецъ желѣзный!

Долъ потемнѣлъ и смуръ.
Какъ оружья, ржавы
Съ холма, гдѣ стебель буръ,
Я вижу дубравы.

Легли весны бойцы
Въ сѣчи безполезной.
Гдѣ хмель и гдѣ вѣнцы
На тризнѣ желѣзной?

Какъ харалужный строй,
Утесовъ отвѣсы,
Грозя, мелькнутъ порой
Изъ-за хмурой завѣсы.

ЭПОДЪ.

Листъ, глухъ, истлѣлъ. Средь почернѣлыхъ тростниковъ
Болотъ могильная вода.
Тамъ смерть живыхъ и тамъ отжившихъ навсегда
Въ дубовой рощѣ стариковъ.

Грабитель—вѣтеръ ходитъ въ ихъ хоромахъ, нищъ
Ихъ корчей костенѣетъ крикъ.
По бору сосенъ перезвонъ и перекликъ...
Лучъ—вспышка дымныхъ пожарищъ..

И важны сосны, какъ на валкомъ кораблѣ
Матросы въ чернокосмый шквалъ.
И ластится, какъ ворогъ—мужъ, свинцовый валъ
Со взморья къ стынущей землѣ.

И снѣгъ, внезапно, колыбельный,—какъ покой
Какъ отдыхъ легкій послѣ бурь!
И тихій свѣтъ, въ отливахъ фольги... И лазурь
Играетъ съ черною рѣкой...

То—тамъ. А здѣсь—длиннѣе тѣнь маслинъ и, срокъ
Недологъ солнцъ на днѣ долинъ.
Міръ разноликъ, но часъ одинъ; и срокъ одинъ
Намъ, чадамъ дня, отчислилъ Рокъ.

ТРАМОНТАНА.

Если влажный воздухъ густъ
Надъ поморіемъ счастливымъ,
Надъ лѣнивымъ, горделивымъ,—
Дхну я буйнымъ острымъ хладомъ
Изъ тѣснинныхъ гулкихъ устъ;
Я низвергнусь по оливамъ
Свѣтлосклоннымъ водопадомъ,
Синеву неся заливамъ,
Расчищая небеса;
Взвѣю вѣяньемъ гульливымъ
Надъ раздольемъ волнъ измятымъ,
Всклочу зыбь руномъ мохнатымъ...
Пойте, сосенъ голоса,
По утесамъ оснѣженнымъ
Надъ полуднемъ остуженнымъ!
Накреняйтесь, паруса!

ОБНОВЛЕНІЕ.

Вл. Н. Ивановскому.

Братія, едина только вѣчность,
И въ земномъ не вѣрьте одному!
Множественна дольняя конечность.
Дня равна и ночи быстротечность:
Ночь—за днемъ, но свѣтъ смѣняетъ тьму.

Юность—новь; и кто измѣнчивъ—молодъ.
Знайте медъ и горечь—умирать!
Вѣчно живъ, въ комъ вѣченъ жизни голодъ.
Звѣрь и змѣй линяютъ въ жаръ и холодъ:
О, учитесь Фениксомъ сгорать!

Духъ себѣ лишь вѣрный не старѣетъ,
Но, какъ солнце древнее всѣхъ утръ,
Неподвижно-юнымъ вечерѣетъ.
Дискъ горитъ, межъ тѣмъ какъ нивъ не грѣетъ
Сѣдины воздушной перламутръ.

НАРЦИССЪ.

ПОМПЕЙСКАЯ БРОНЗА.

Кто ты, прекрасный? Въ лѣсахъ, какъ Сатиръ одинокій, ты бродишь,
Самъ же не чадо дубравъ: такъ благороденъ твой ликъ.

Прелесть движеній пристойныхъ, убра́нной обуви пышность—
Все говоритъ мнѣ: ты—сынъ вышнихъ иль смертныхъ царей.

Чутко, свой шагъ удержавъ, ты послѣдовалъ тайному звуку
Стройнымъ склоненьемъ главы, мѣрнымъ движеньемъ перста:

Пана ли внялъ ты свирѣль, иль Эхо влюбленные стоны?
Говоръ ли рѣзвыхъ Наядъ? шопотъ ли робкихъ Дріадъ?

Праздную руку, едва оперевъ о бедро, прихотливо
Легкимъ наплечнымъ руномъ ты перевилъ, какъ Ліэй:

Дивный, не самъ ли ты Вакхъ, лелѣемый нимфами Низы,
Ловчій, лѣнивецъ нагой, нѣжныхъ любимецъ богинь?

Или ты—гордый Нарциссъ, упоенный мечтой одинокой,
Въ томномъ блуждающій снѣ, тайной гармоніи полнъ?

Къ нимфѣ зовущей иди, ты доселѣ себя не познавшій,
Но не гляди, наклонясь, въ зеркало сонной волны!

Ахъ, если ты не Нарциссъ, то свой ликъ отраженный увидѣвъ,
О незнакомецъ,— дрожу,—новый ты станешь Нарциссъ.

СЪ ПУТИ.

Прежде чѣмъ парусъ направить въ лазурную Парѳенопею,
Шлемъ изъ Панорма тебѣ добрую, странники, вѣсть.

Путеводимы вездѣ благосклонными явно богами,
Островъ Тринакріи мы, тихо дивясь, обошли.

Дружныя волны несли нашъ корабль межъ Харибдой и Скиллой;
Въ горномъ жилищѣ своемъ намъ не грозилъ Полифемъ.

Этною неизмѣримой подавленный, зыбля темницу,
Снова съ Зевесомъ ведетъ древнюю распрю Тифонъ:

Мы жъ невредимы не разъ приближалися къ безднамъ, откуда
Пламенемъ дышитъ Гигантъ, пламя ліетъ и гремитъ...

Но что̀ великаго мы, но что̀ прекраснаго зрѣли,—
Эта ль табличка вмѣститъ? Будь же здоровъ— и прости!

ХУДОЖНИКЪ И ПОЭТЪ.

Свѣтелъ, міръ отразивъ, какъ волна, безкорыстный художникъ.
Въ зыблемый образъ глядясь, счастливъ поэтъ: онъ Нарциссъ.

Грустно-блаженъ художникъ-поэтъ! Онъ—небо и воды:
Ловитъ, влюбленный свой ликъ, видитъ прозрачность и—міръ.

ПУШКИНЪ У ОНѢГИНА.

А. Ѳ. Онѣгину.

Здѣсь, во святилищѣ завѣтномъ,
Здѣсь, надъ мощами красоты,
Цвѣтутъ предъ ликомъ безотвѣтнымъ
Молитвой вѣрною цвѣты.

И вѣрь: не разъ въ сію обитель
Онъ самъ таинственно слеталъ,
Съ кѣмъ ты, поклонникъ, ты, хранитель,
Себя на вѣчность сочеталъ.

И чуетъ гость благоговѣйный,
Какъ будто здѣсь едва затихъ
Послѣдній отзвукъ сладковѣйный,
Послѣдній недопѣтый стихъ.

Онѣгинъ! долы презирая,
Ты жребій свѣтлыхъ улучилъ:
Ты на Ѳаворѣ, въ кущѣ рая,
Съ преображеннымъ опочилъ.

СОВРЕМЕННИКИ.

I.

VALERIO VATI

S.

Здѣсь валъ, мутясь, непокоривой
У ногъ мятежится тоской:
А тамъ на мысъ—ужъ бѣлогривый
Высоко прянулъ конь морской.

Тебѣ несу подснѣжникъ ранній
Я съ воскресающихъ полей,—
А ты мнѣ: «Милый, чу, въ туманѣ—
Перекликанье журавлей!»

II.

ЕМУ ЖЕ.

Твой правый стихъ, твой стихъ побѣдный,
Какъ неуклонный нашъ языкъ,
Облекся наготою мѣдной,
Незыблемъ, какъ латинскій зыкъ!

Въ немъ слышу клектъ орловъ на кручахъ
И ночи шелестный Авернъ,
И зовъ мятежный мачтъ скрипучихъ,
И молвь Субуръ, и хрипъ тавернъ.

Взлетитъ и прянетъ звѣрь крылатый.
Какъ оный идолъ мѣдяной
Предъ венетійскою палатой—
Ликъ благовѣстія земной.

Твой зорокъ стихъ, какъ око рыси,
И самъ ты—духа стражъ, Линкей,
Елену услѣдившій съ выси,
Міръ расточающій предъ ней.

Ты—мышцъ восторгъ и вызовъ буйный,
Языкова прозябшій хмель.
Своей отравы огнеструйной
Ты самъ не разгадалъ досель.

Твоя тоска, твое взыванье—
Свистъ тирса,—тирсоносца жъ нѣтъ...
Тебѣ въ Іакхѣ цѣлованье,
И въ Діонисѣ мой привѣтъ.

III.

SOLE SATO

S.

Cui palmamque fero sacramque laurum?
Balmonti, tibi: nam quod incohasti
Spirat molle melos novisque multis
Bacchatum modulans Camena carmen
Devinxit numeris modisque saeclum
Sensumque edocuit vaga intimum aevi.

КОЧЕВНИКИ КРАСОТЫ.

Кочевники Красоты—вы,
художники.

*** «Пламенники».

Вамъ—пращуровъ деревья
И кладбищъ тѣснота!
Намъ вольныя кочевья
Судила Красота.

Вседневная измѣна,
Вседневный новый станъ:
Безвыходнаго плѣна
Блуждающій обманъ.

О, вѣрьте далей чуду
И сказкѣ всѣхъ завѣсъ,
Всѣхъ весенъ изумруду,
Всей широтѣ небесъ!

Художники, пасите
Грезъ вашихъ табуны;
Минуя, всколосите—
И киньте—цѣлины!

И съ вашего раздолья
Низриньтесь вихремъ ордъ
На нивы подневолья,
Гдѣ рабъ упрягомъ гордъ.

Топчи ихъ рай, Аттила,—
И новью пустоты
Взойдутъ твои свѣтила,
Твоихъ степей цвѣты!

BEETHOVENIANA.

Снилось мнѣ: сквозитъ завѣса
Межъ землей и лицомъ небесъ.
Небо—влажный взоръ Зевеса,
И прозрачный груститъ Зевесъ.

Я прочелъ въ склоненномъ взорѣ
Голубѣющую печаль.
Вспухнетъ валъ—и рухнетъ—въ морѣ;
Нашихъ весенъ ему не жаль.

Возгрустилъ пустынникъ неба,
Что отвѣтный, отсвѣтный ликъ—
Ахъ! лишь омутомъ Эреба
Повторенный его двойникъ...

Вѣчныхъ сферъ святой порядокъ
И весь ликъ золотыхъ Идей
Яркой красочностью радугъ
Льнули къ ночи его бровей,—

Обвивали, развѣвали
Ясной солнечностью печаль;
Нерожденныхъ солнцъ вставали
За негаданной далью даль.

Но печаль гасила краски...
И взвенѣлъ, одичавъ, тимпанъ;
Взвылъ кимвалъ: Сатирамъ пляски
Повелѣлъ хохотливый Панъ.

Ихъ вскружился вихорь зыбкій,
Надрывалась дуда звончѣй,—
И божественной улыбкой
Прояснилась печаль очей.

III.

ПЕЧАЛЬ ПОЛДНЯ.

Я—Полдня вѣщаго крылатая Печаль.
Я грезой нисхожу къ видѣньямъ соннымъ Пана:
И отлетѣвшаго ему чего-то жаль,
И безотзывное—въ Элизіи тумана.

Я, похоронною лазурью осіянна,
Шепчу въ безмолвіи, что совершилась даль.
Я—Полдня бѣлаго небесная Печаль,
Я—Исполненія глубокая Осанна.

Изъ золотыхъ котловъ торжественной рѣкой
Я знойныхъ чаръ лію серебряные сплавы
На моря синяго струящійся покой,
На снѣжной вѣчности сверкающія главы,

На красныя скалы, гдѣ солнечныя славы
Слагаешь ты, поэтъ, пронзенъ моей тоской.

«ПРЕКРАСНОЕ—МИЛО».

Триптихъ.

I.

Нѣтъ, никогда тебя не волилъ Человѣкъ
Съ той страстной алчностью, какой ты насъ плѣнила,
Колдунья-Красота! И жду—великій вѣкъ
Въ твой оттискъ выльется изъ мощнаго горнила.

Не столько выпила пучина свѣтлыхъ рѣкъ,
Какъ древнихъ чаяній душа похоронила.
Все измѣнило намъ... Но ты—не измѣнила!
Тобой прозябло вновь, что Рока серпъ пресѣкъ.

И вотъ, ты близишься по лону влаги зыбкой
Стыдливою Мечтой, съ младенческой улыбкой,
И Жизни ты бѣжишь и властвуешь надъ ней!

Духъ познаетъ свой сонъ, и сновъ своихъ царицей—
Тебя, чьихъ устъ нѣтъ устъ умильнѣй и властнѣй,
И пламенной твоей взлетаетъ колесницей.

II.

Съ отцомъ Семелинымъ Гармоніи краса
Сочетавалася; имъ Музы пѣли: «Мило—
Одно Прекрасное; что не Краса—немило».
Той рѣчи вторили безсмертныхъ голоса.

Зовя изъ синихъ волнъ чужія небеса,
О Красота, сама держала ты кормило,
Что сонмъ полубоговъ таинственно стремило
Увидѣть и плѣнить Колхиды чудеса.

Небесная, склонись надъ міровымъ кормиломъ!
Твое, одно твое содѣлай сердцу милымъ!
Пой съ острововъ Мечты Порыва парусамъ!

Подъ сводъ темницъ сойди съ печалью звѣздной Музы,
И въ гаваняхъ учи доступнымъ чудесамъ,
Сестра, дѣлящая съ Землей порывъ и узы!

III.

Не мни, что Красота напрасная сіяетъ
Въ пріютахъ, гдѣ ничей ея не славитъ взглядъ,
Что, угасивъ ее, ничтожество зіяетъ,
Какъ гаситъ свѣточъ спудъ, и склепъ скупой—свой кладъ.

Чей образъ отрока надъ влагой обаяетъ?
Чьимъ отраженьямъ духъ въ созданьѣ Музы радъ?
Не солнце радугой прозрачность напояетъ—
Глядится Вседуша въ расцвѣтшій водопадъ.

Средь синеструйныхъ скалъ и чаръ отсвѣтныхъ грота, —
Гдѣ въ окрыленной мглѣ, что зыблетъ волнъ дремота,
Дробится, преломленъ, подводный солнца снопъ,—

Спитъ Галатея—лучъ на рифѣ мадрепора,
А къ ней—живой утесъ съ брадами травъ—Циклопъ
Стремитъ горящій вздохъ единственнаго взора.

АЛКАНІЕ.

Духъ пламенный, алкаючи, вращаетъ
Въ поднебесьи свой солнцевидный глазъ;
Горитъ онъ всѣмъ исполниться заразъ,
И цѣлаго, нецѣльный, не вмѣщаетъ,—

Вновь извергая вонъ, что поглощаетъ,—
Смарагдъ роняя, чтобъ схватить алмазъ:
Такъ изъ пучинъ индійскихъ водолазъ
Случайный перлъ, исторгнувъ, похищаетъ.

Спѣша и задыхаясь, и дробя
Единое, забвенью и измѣнамъ
Мы рабствуемъ, и любимъ, полюбя,

Не духа вѣчностью, но духа плѣномъ.
Мы нищими по розсыпямъ пройдемъ,
И что́ насъ ищетъ глухо—не найдемъ.

«TRANSCENDE TE IPSUM».

Два жала есть у царственнаго змія;
У ангела Порывовъ—два крыла.
Къ распутію душа твоя пришла:
Вождь сей тропы—Рахиль· и оной—Лія.

Какъ двумъ вожжамъ послушны удила,
Такъ ей—дѣла, а той—мечты благія.
Ей Отреченье имя,—чьи дѣла;
Той—Отрѣшенье. Вѣчная Софія—

Обѣимъ свѣтъ. Одна зоветъ: «Прейди
Себя,—себя объемля въ безпредѣльномъ».
Рахиль: «Себя прейди—въ себя сойди».

И любитъ отчужденнаго въ Одномъ,
А Лія—отчужденнаго въ Раздѣльномъ.
И обѣ склонены надъ темнымъ дномъ.

ПУСТЫННИКЪ ДУХА.

Къ картинѣ О. Редона.

Орелъ стремнинъ, угрюмъ и огнеокъ,
Печальникъ духа,—ты, чей духъ печаленъ,
Чей ликъ сгорѣлъ у вѣщихъ наковаленъ,
Гдѣ ковача ковалъ вселенной Рокъ!

Съ горъ снѣговыхъ, въ предозаренный срокъ,
Нисходишь ты, змѣей Любви ужаленъ,—
Взалкавъ сердецъ... Какъ плѣнный долъ умаленъ
Предъ угліемъ пустынныхъ глазъ, пророкъ!

Что ты несешь Землѣ съ высотъ пространныхъ?
Ты Мести ль мечникъ, съ молньей лезвій бранныхъ?
Что въ лѣвой указуетъ перстъ десной?

Копье-ль?.. Нѣтъ,—жезлъ, расцвѣченный весной!
Прозябшій тирсъ! Процвѣтшій посохъ странныхъ
Всей щедростью, всей благостью земной!

КТО?

Триптихъ.

I.

Кто видитъ непрозябшій сѣвъ, и злачность
Степей сухихъ, и за личиной—ликъ,
И въ камнѣ—ключъ? Кто держитъ власть уликъ—
Изобличить явленья многозначность?

Пустыхъ зеркалъ стоомутная мрачность
Въ ста бликахъ пьетъ дня первый робкій бликъ,
Въ ста откликахъ разсвѣтный множитъ кликъ.
Глядится Богъ въ свой міръ, и міръ—прозрачность.

Кто пѣснь сестры послышитъ за холмомъ?
Кто скрипъ челна чрезъ волнъ пустынный рокотъ?
Кто, на горѣ стоящій,—орлій клёкотъ

И ревъ тельцовъ долины подъ ярмомъ?
Кого коснутся горна дуновенья,
Гдѣ рокъ куетъ узъ адамантныхъ звенья?

II.

Кто, нищій, ликъ подъемлетъ изможденный,
Какъ царь, перепоясанный у бедръ
Мечомъ державствъ? Кто царь—и нищъ? Кто щедръ,
Какъ Солнце-царь, одинъ непобѣжденный?

Кто выйдетъ въ міръ, какъ царь, освобожденный
Изъ вражескихъ шатровъ, гдѣ былъ онъ—кедръ
Средь душныхъ тучъ, или глубинныхъ нѣдръ
Родникъ глухой, скалами прегражденный?

Кто во́лить предъизбра́нъ,—не вожделѣть?
Кто похищаетъ, что́—его отъ вѣка?
Пустынный, кто возмогъ себѣ довлѣть?

Людей ловецъ, кто волитъ—человѣка?
Кто въ день седьмой послышитъ зовъ «Умри»?
Чу, въ небѣ клекотъ орлій: «Гдѣ цари?»

III

Кто выйдетъ въ міръ, какъ тихое дитя
Играть съ дѣтьми идетъ по придорожью?
Кто, какъ дитя, идетъ по лугу Божью?
Съ кѣмъ по лугамъ идетъ Весна, цвѣтя?

Чей—въ тусклый міръ, съ его тоской и ложью--
Глядится взоръ, довѣрчиво свѣтя?
Чей внемлетъ духъ, далече улетя,
Стоустому, безпечный, многобожью?

Кто любитъ такъ рубины, какъ цвѣты?
Такъ золото, какъ плавники заката?
Такъ сновидѣнья жизни, какъ мечты?

Добро, какъ мать? Прохожаго, какъ брата?
Кто по свѣту блуждаетъ какъ дитя,
Цвѣты сбирая и вѣнки плетя?

GLI SPIRITI DEL VISO.

Есть духи глазъ. Съ куста не каждый цвѣтъ
Они вплетутъ въ вѣнки своихъ избраній;
И сорванный съ ихъ памятію ранней
Сплетается. И судъ ихъ: Да, иль: Нѣтъ.

Хоть преломленъ въ ихъ зрящихъ чашахъ свѣтъ,
Но чистъ кристаллъ эѳироносныхъ граней.
Они—глядятъ: молчанье—ихъ завѣтъ.
Но въ глубяхъ дали грезятъ даль пространнѣй.

Они—какъ горный вкругъ души туманъ.
Въ ихъ снахъ правдивъ явленія обманъ.
И мнѣ вѣстятъ ихъ арфы у порога,

Что радостенъ въ росахъ и солнцѣ лугъ;
Что звѣздный сводъ—созвучье всѣхъ разлукъ;
Что міръ—обличье страждущаго Бога.

ПОДРАЖАНІЯ ПЛАТОНУ.

Триптихъ.

I.

Сереброкрылые, предъ скорою кончиной
Подъемлютъ лебеди дотоль имъ чуждый гласъ
И сладостно поютъ надъ влажною равниной,
Поютъ, блаженные, что близокъ воли часъ,

Что бога своего узрятъ чрезъ мигъ единый,
Едва земного дня послѣдній лучъ угасъ...
Пророкамъ Феба вѣрь! вѣрь пѣсни лебединой:
Удѣлъ отрадный ждетъ за гранью жизни насъ!

Сподвижникъ лебедей въ священствѣ Аполлона,
Я ль не возрадуюсь, грядя къ нему на лоно,
Не воспою его, восторженный пророкъ?

Прославимъ Вѣщаго, пока година наша,
И словомъ мудрости исполнимъ краткій срокъ:
Еще смертельная, о други, медлитъ чаша!

II.

Въ зрачкахъ земныхъ зажженъ свѣтъ солнцъ богоявленный,
Да видимъ славу дня и звѣздный хоръ ночей,
И въ строгой прелести возвышенныхъ рѣчей
Да любомудрствуемъ о красотѣ вселенной.

Мудрецъ позналъ, одинъ, даръ цѣлостный очей:
Онъ, пристальный, вперясь въ уставъ свѣтилъ нетлѣнный,
Мятежный духъ миритъ и разрѣшаетъ плѣнный,—
И, сынъ горящихъ сферъ, онъ—откликъ ихъ лучей.

Въ разумномъ рвеніи дружася съ Музой красной,—
Да жизнь содѣлаемъ гармоніей согласной,—
Съ пѣвучимъ голосомъ намъ боги дали слухъ.

И, вольной Музы другъ, біенью сердца вѣрный,
Насъ окрыляетъ ритмъ и движетъ властно духъ
Харитой свѣтлою и стройностью размѣрной.

III.

«Солонъ»! воскликнулъ жрецъ: «Щадятъ васъ дивно годы!
Вы—дѣти, Эллины, и старца нѣтъ межъ васъ!
Безпечные, вамъ чуждъ временъ могильный гласъ:
Ихъ память стёръ огонь, и слѣдъ ихъ смыли воды.

«Когда жъ сбывалъ потопъ и пламень міра гасъ,
Вы возраждалися, смѣнивъ погибшихъ роды,
Безъ музъ и безъ письменъ, сѣвъ молодой свободы...
Но вѣчно Нилъ святой спасалъ въ Египтѣ насъ.

«Мы сохранили вамъ завѣтныя скрижали.
Въ законахъ доблести отцы твои мужали.
О гость, то былъ земли прекраснѣйшій народъ!

«Онъ свергъ съ племенъ ярмо надменной Атлантиды.
О гость! она цвѣла,—а нынѣ хороводъ
Надъ ней пустынныя ведутъ Океаниды».

ТОВАРИЩАМЪ.

I.

ЛАТИНСКІЙ КВАРТАЛЪ.

Е. С. Кругликовой.

Кто знаетъ край, гдѣ свой—всѣхъ странъ школяръ?
Гдѣ молодость стопой стремится спѣшной,
Съ огнемъ въ очахъ, чела мечтой безгрѣшной
И крикомъ устъ,—а уличный фигляръ

Толпу зѣвакъ собралъ игрой потѣшной?—
Гдѣ вамъ вѣнки, поэтъ, трибунъ, маляръ,
Въ дыму и визгахъ дѣвъ?—гдѣ мракъ кромѣшный
Дантъ юный числилъ,—мыслилъ Абеляръ?—

Гдѣ рѣчь вольна, и геніи косматы?—
Гдѣ чаще все, родныхъ степей Сарматы,
Проходитъ сонмъ вашъ, распрей обуянъ?—

Гдѣ ткетъ любовь межъ мраморныхъ Діанъ
На солнцѣ ткань,—и Рима казематы
Черны въ лунѣ?.. То—градъ твой, Юліанъ!

II.

DEM WELTVERBESSERER.

А. С. Ященку.

Ты—что потокъ, чей буйственный задоръ
Бѣжитъ въ снѣгахъ. Какъ сталь студеной влаги,
Тягчится, потемнѣвъ, твой жесткій взоръ
Въ борені мыслительной отваги,

Когда средь насъ иль нà полѣ бумаги
Ты ринешься въ міропобѣдный споръ...
Мигъ—и въ лазури тонетъ кругозоръ,
Пасутся овцы, за звѣздою маги

Идутъ, и ты несешь вѣнки оливъ
И міру миръ... съ ярмомъ, о деспотъ-мистикъ,
Казацкой вольницы и казуистикъ

Равно дитя,—все въ русскомъ сердцѣ сливъ!..
Вѣрнѣй оракулъ всѣхъ характеристикъ:
Льдомъ не застынь, кто холодно бурливъ!

III.

ПЕРЕВОДЧИКУ.

Будь жаворонокъ нивъ и пажитей—Вергилій,
Иль альбатросъ Бодлэръ, иль соловей Верлэнъ
Твоей ловитвою,—все въ чужеземный плѣнъ
Не заманить тебѣ птицъ вольныхъ безъ усилій,

Мой милый птицеловъ,—и, вѣрно, безъ насилій
Не обойдешься ты, поэтъ, и безъ измѣнъ,
Хотя бъ ты другомъ былъ всѣхъ девяти Каменъ,
И зла ботаникомъ, и пастыремъ идиллій.

Затѣмъ, что стихъ чужой—что скользкій богъ Протей:
Не улучить его охватомъ ни отвагой.
Ты держишь рыбій хвостъ, а онъ текучей влагой

Струится и бѣжитъ изъ немощныхъ сѣтей.
Съ Протеемъ будь Протей, вторь каждой маскѣ—маской!
Милѣй досужій людъ своей забавить сказкой.

IV.

LA FAILLITE DE LA SCIENCE.

Вл. Н. Ивановскому.

Безпечный ученикъ скептическаго Юма!
Питали злобой Гоббсъ и подозрѣньемъ Кантъ
Твой непосѣдный умъ: но въ школѣ всѣхъ Ведантъ
Твоя душа, поэтъ, не сдѣлалась угрюма.

Боюся: цеховой не станешь ты педантъ.
Что перелетная взлюбила нынѣ дума?
Уже наставникъ твой—не Юмъ,—«суровый Дантъ»!
Ты съ корабля наукъ бѣжишь, какъ мышь изъ трюма.

Въ ковчегѣ ль Ноевомъ всѣхъ факультетовъ течь
Открылась, и въ нее живая хлещетъ влага?
Скажи, агностикъ мой, предтеча всѣхъ предтечъ:

Куда ученая потянется ватага?
Ужели на Парнасъ?.. Затѣмъ что знанья—нѣтъ!
Ты бросилъ въ знанье сѣть, и выловилъ—сонетъ.

V.

АСПЕКТЫ.

Вл. Н. Ивановскому.

Не Ding-an-sich и не Явленье, вы,
О царство третье, легкіе Аспекты,
Вы, лиліи моей невинной секты,
Не догматы учительной Совы,

Но лишь зеницъ воззрѣвшихъ интеллекты,
Вы, духи глазъ (сказалъ бы Дантъ),—увы,
Не теоремы темной головы,
Blague или блажь, аффекты иль дефекты

Мышленія, и «примыслъ» или миѳъ,
О спектры душъ!—все жъ, сверстникъ мой старинный,
Васъ не отвергъ познанья критикъ чинный

Въ тѣ дни, когда плясалъ въ Парижѣ Скиѳъ
И прорицалъ, мятежнымъ Вакхомъ боленъ,
Что нѣтъ межей, что хаосъ правъ и воленъ.

КАССАНДРѢ.

Пусть говорятъ: «Святыня—не отъ Жизни»:
Блюди елей у брачнаго чертога!
Женихъ грядетъ: пожди еще немного,
И уличной не внемли укоризнѣ.

То—странники въ неузнанной отчизнѣ;
Сжигая храмы, мнятъ, что жгутъ въ нихъ бога,
И веселятся на багровой тризнѣ.
Но ты блюди елей свой у порога!

Блуждаетъ Жизнь извивами Мэандра,
А Море ждетъ въ недвижимомъ сосудѣ.
На пеплѣ Трои возстаетъ Кассандра.

Святой елей, рушенья въ дымной грудѣ,
Ты новая затеплишь Александра
И возвѣстишь о Фениксовомъ чудѣ.

КАРМИЛЪ.

Изъ мѣстъ, гдѣ знойный сонъ чужого небосклона,
Какъ новыхъ гроздій сокъ, духъ помутивъ, томилъ
Тоской разымчивой,—ты странно сердцу милъ,
Косматый, дикій стражъ эдема-Эздрелона,

Алтарь пророчества, утесистый Кармилъ,
Столъ солнечный, гдѣ взоръ до сказочнаго склона
Къ Европѣ, по браздамъ лазореваго лона,
Напутствуетъ плуги пустынные кормилъ!

Ваала-Солнца кремль и крѣпость Иліи,
У чьихъ обрывныхъ кручъ сіяетъ Галилея,
Какъ благодатныхъ росъ избранница—лилея,

И пальмы зыблются, и тонутъ колеи
Въ пескахъ поморія, и трогаетъ Помона
Разлогъ Киссонскихъ струй предъ снѣжностью Гермона!

IV.

ГАНИМЕДЪ.

ГАНИМЕДЪ.

Пусти! меня
Ты держишь зачѣмъ
Охватомъ сильнымъ?
Ты кто, незримый,
За мной шумящій
Бурей крыльевъ?
Пусти на волю!
А, ты—орелъ,
Сильный!
Растерзай эту грудь,
Прекрасный сильный,
Когтями острыми!
Но могучія лапы
Тѣсно нѣжатъ,
Подъемлютъ,
Подъемлютъ...
Орелъ, орелъ!
Какъ весело мнѣ
Летѣть надъ доломъ!
Куда ты взнесешь меня.
Сильный орелъ?

ХОРЪ ДОЛИНЫ.

О, Ганимедъ! въ добычу
Птицѣ Зевса, тайный нашъ цвѣтъ, былъ ты Весной
взлелѣянъ!
Небу первина Дола,
Цвѣтъ нашъ—плачьте, души дубравъ!—сорванъ
влюбленнымъ небомъ!

ГАНИМЕДЪ.

Сильный орелъ, довольно
Игръ высокихъ!
Долу мощь твою, страшный, рвнь!
Дохнулъ холодъ...
Тоскливъ и тѣсенъ
Воздушный плѣнъ!
Пусти на волю,
Въ домъ родимый!..
Темны снѣга,
Душно въ небѣ...
Могилой долъ
Уходитъ бездонный...
Орелъ! Орелъ!..—
И я въ могилу
Лечу, низринутъ!..

ХОРЪ ВЫСОТЪ.

О Ганимедъ, лелѣетъ
Въ жадныхъ лапахъ клекчущій боръ, милый, твой сонъ
лилейный!
Облакъ весны глубокой,
Не лобзать намъ, отрокъ, тебя, снѣжныхъ полей Мэнадамъ!

ГАНИМЕДЪ.

Гдѣ я?.. гдѣ мы,
Солнцеокій,
Тихокрылый?
Въ золотѣ, золотѣ
Морей всеодержныхъ
Съ тобой тону я,
Черный челнъ!
Изъ кубковъ избытка
Пѣну впиваю
Пламеней легкихъ...
Тонкимъ огнемъ
Пьянѣю....
Мнѣ снился долъ...
Долу заснулъ я,
Проснулся въ небѣ—
И таю въ нѣгѣ
Жаднаго неба...
Гдѣ долъ родимый,
Огневержецъ?
Златыя руна
Застлали, заткали
Тропы забытыя:
Нѣтъ возврата!
Дай мнѣ взглянуть
На темную землю,
На тѣсную землю,
Мой орелъ!—
Взглянуть—и въ лобзаньи
Неба, ревнивецъ,
Истаять!...

ГЕЛІАДЫ.

ТРИ ГЕЛІАДЫ.

Дѣвы Солнца, Геліады,
Надъ зеленымъ Эриданомъ,
Мы подъ пологомъ багрянымъ
Вечерѣющей зари,
На могильномъ на курганѣ
Слезы льемъ—намъ нѣтъ отрады!
Будутъ въ чистомъ Эриданѣ
Наши слезы—янтари.

Нашъ отецъ, на колесницѣ
Рыжеконной, скрылся, злобенъ,
Тамъ, гдѣ океанъ подобенъ
Тяжкой крови черныхъ ранъ.
Вечеръ, въ дымной багряницѣ
Край закатный застилаетъ;

Мрачнымъ зареевомъ пылаетъ
Свѣтлоструйный Эриданъ.

И пылаютъ Солнца гнѣвы,
И не молкнутъ Геліады,
Погребальные напѣвы
Въ раѣ солнечныхъ полей.
Съ той годины, какъ—умильной
Пеней—изъ земли могильной
Тремъ намъ встали три прохлады
Бѣлолистныхъ тополей.

Три сестры подъ тополями
Мы тоскуемъ, Геліады,
Каплютъ слезы бѣлыхъ сѣней,
Застываютъ въ янтари...
Онъ сгорѣлъ—намъ нѣтъ отрады!—
Скошенъ онъ, какъ цвѣтъ весенній!
Мы рыдаемъ надъ полями
Умирающей зари!

ОДНА ГЕЛІАДА.

Чу, въ зареевомъ огнѣ
Замеръ отзывный стонъ—
Протяжный, унылый...
То—лебедь надъ влажной могилой,
Надъ Эриданомъ,
Въ заревѣ рдяномъ,
Кикносъ пѣлъ бѣлоснѣжный сонъ.

ТРИ ГЕЛІАДЫ.

Встарь бывало: отъ зари
До зари
Въ облакахъ, не умирая,
Трепетали дива рая.

Кочевыхъ садовъ краса
Въ небеса
Осыпала розы алы;
Полночь искрила опалы.

Неземной смѣняла день
Полутѣнь
Теплыхъ трепетовъ янтарныхъ,
Отголосковъ свѣтозарныхъ.

И скиталися въ ночи
Всѣ лучи;
И сіяли, съ небомъ слиты,
Крайнихъ холмовъ хрисолиты.

Рдѣла пурпура дуга,
И рога
Сонныхъ юницъ златорунныхъ
Отрясали далей лунныхъ
Бѣловѣйные снѣга.

Нынѣ,—что бѣжитъ насъ прочь
Смертныхъ ночь?

Какъ отъ раскаленной пещи.
Блескъ клубится, блескъ зловѣщій.

Осѣнилъ ослушныхъ дѣвъ
Отчій гнѣвъ!
Звѣзды копья мести мѣтятъ,
Луны рдяныя не свѣтятъ.

Будь же нами вѣчно пѣтъ,
Вешній цвѣтъ,
Въ солнце яркое влюбленный,
Солнца яростью спаленный!..
Геліадамъ мира нѣтъ!

Три сестры, подъ тополями,
Слезы льемъ о свѣтломъ братѣ:
Слезы каплютъ бѣлыхъ сѣней,
Застываютъ въ янтари...
Плачьте, дѣвы, объ утратѣ!
Онъ сгорѣлъ, какъ цвѣтъ весеній!
Плачъ творите надъ полями
Дымно-меркнущей зари!

ПЕРВАЯ ГЕЛІАДА.

Оттого что я вперяла
Въ сонъ небесный взглядъ прилежный,
Оттого что воспаряла
За мечтой недольнихъ странъ:

ВТОРАЯ ГЕЛІАДА.

Оттого что я кормила
Въ сердцѣ замыселъ мятежный
И, завидуя, стремила
Взоръ на быстрый Эриданъ:

ТРЕТЬЯ ГЕЛІАДА.

Оттого что я хотѣла
Встрѣтить жребій неизбѣжный
И изъ тѣсныхъ узъ летѣла
За безбрежный океанъ:

ТРИ ГЕЛІАДЫ.

Оттого подъ тополями
Плачъ творимъ мы, Геліады,
И изъ бѣлыхъ юныхъ сѣней
Каплютъ слезы—янтари!
Оттого—намъ нѣтъ отрады!—
Скошенъ онъ, какъ цвѣтъ весенній:
Плачьте, сестры, надъ полями
Неусыпными Зари!

ПЕРВАЯ ГЕЛІАДА.

«Братъ!» я пѣла: «Будь прекрасенъ».

ВТОРАЯ ГЕЛІАДА.

Я:—«Дерзай!»

ТРЕТЬЯ ГЕЛІАДА.

А я:—«Погибни!»

ПЕРВАЯ ГЕЛІАДА.

Я сказала: «Будь безсмертенъ!»

ВТОРАЯ ГЕЛІАДА.

Я:—«Безсмертье—дерзновенье».

ТРЕТЬЯ ГЕЛІАДА.

Я:—«Безсмертенъ полный мигъ».

ПЕРВАЯ ГЕЛІАДА.

Онъ погибъ—и былъ прекрасенъ!

ВТОРАЯ ГЕЛІАДА.

Онъ погибъ чрезъ дерзновенье!

ТРЕТЬЯ ГЕЛІАДА.

Тотъ безсмертенъ, кто поникъ.

ТРИ ГЕЛІАДЫ.

О, Фаэтонъ!
Пѣли тебѣ
Пѣсни Сиренъ:
Вѣруй въ свой сонъ!

Ввѣрься Судьбѣ!
Будь дерзновенъ!

Мы—три сестры,
Мы—три судьбы,
О Фаэтонъ!
Властенъ призывъ,
Вѣренъ порывъ.
Вѣченъ твой сонъ!

ПЕРВАЯ ГЕЛІАДА.

Онъ былъ прекрасенъ, отрокъ гордый,
Сынъ Солнца, юный Солнцебогъ,
Когда схватилъ рукою твердой
Величья роковой залогъ,—

Когда бразды своей державы
Восхитилъ у зардѣвшихъ Оръ,—
А кони бились о заставы,
Почуя пламенный просторъ!

И, пущены, взнеслись, заржали,
Покинувъ алую тюрьму,
И съ мѣднымъ топотомъ бѣжали,
Послушны легкому ярму!

И Нереидъ влюбленныхъ стая
Метнулась—стая голубицъ,
Въ лазури волнъ кружась и тая,
Предъ славой огневержныхъ спицъ!

Дрожа, въ эѳиръ священной Ночи
Мчитъ Фосфоръ лучъ своей звѣзды,—
А онъ по міру водитъ очи,
Держа, безтрепетный, бразды!

ВТОРАЯ ГЕЛІАДА.

И, оглянувъ свой міръ просторный,
Воззрѣлъ къ верховному огню—
И повернулъ съ округи торной
Бурь огнемощныхъ четверню.

И вспыхнувшими цѣлинами,
Топча лучистыхъ жатвъ снопы,
Взлетѣлъ за пламенными снами
На непочатыя тропы.

Стремитъ, пронзенъ восторга дрожью,
Къ метѣ прямой зрачки орла,—
А кони рады бездорожью,
Грызутъ тугія удила.

Зіяя, дхнулъ эѳиръ глубокій;
Хлябь шевельнулась; тускло живъ
Воззрился хаосъ огнеокій
На гостя сонмомъ смутныхъ дивъ.

Левъ рдѣетъ; врагъ стрѣлу спускаетъ;
Быкъ прянулъ; ищетъ Скорпіонъ:
А онъ очей не опускаетъ,
Вожжей не выпускаетъ онъ!

ТРЕТЬЯ ГЕЛІАДА.

Вотще!.. Столикою погоней,
Змѣинымъ трепетомъ бичей
Безумитъ Ужасъ, гонитъ коней
Подъ сводъ крутящихся смерчей.

Весь лютый лѣсъ навстрѣчу двинулъ,
Бразды безсильныя урвалъ,
Свилъ свиткомъ твердь—и буйныхъ ринулъ
Въ безднъ поглощающій провалъ.

И, прянувъ, челнъ свой мечетъ низко
Ихъ буря,склономъ сферъ скользя:
Къ землѣ палимой рѣетъ близко
Блужданій солнечныхъ стезя.

Растетъ пустыня; рдѣютъ боры;
Понтъ ропщетъ; за костромъ костеръ
Курится, гдѣ сіяли горы...
Но Зевсъ по тверди мракъ простеръ—

Дробитъ перуномъ колесницу,
И упрягъ жаркій разнуздàнъ,
И опаленнаго возницу
Холодный принялъ Эриданъ.

ТРИ ГЕЛІАДЫ.

Дѣвы Солнца, Геліады,
Надъ глубокимъ Эриданомъ,

Мы подъ пологомъ багрянымъ
Дымно меркнущей Зари,
На курганѣ на прибрежномъ
Плачъ творимъ—намъ нѣтъ отрады!..
Ахъ! предъ темнымъ Неизбѣжнымъ
Дерзновенья—алтари!

Рокъ—творить намъ, Геліадамъ,
Плачъ надгробный надъ порывомъ
Огнекрылымъ, дерзновеньемъ
Огнеликимъ Красоты!
Рокъ—стремиться Солнца чадамъ
За божественнымъ призывомъ,
Мановеньемъ, дуновеньемъ—
Въ край надзвѣздный, край Мечты!

Ты явись изъ вѣчной ночи—
Надъ пустымъ ли надъ курганомъ,
Надъ святымъ ли Эриданомъ!
Братъ, явись!.. И ты встаешь
Надъ водами, въ ризѣ блѣдной,—
Но восторгъ безумитъ очи,—
Но лучей вѣнецъ побѣдный
Свѣтитъ... Призракъ, ты зовешь?

Ты зовешь? Восхить насъ, милый!
Поглоти своей могилой!..
Жертва! вновь твой ликъ вѣнчаетъ,
Блѣдный, блѣдныхъ молній тѣнь!..
Ахъ, насъ корни не пускаютъ,
Руки вѣтви распускаютъ...
Облачаетъ, разлучаетъ
Бѣлолиственная сѣнь!...

ОРФЕЙ РАСТЕРЗАННЫЙ.

ОКЕАНИДЫ.

Мы—дѣвы морскія, Орфей, Орфей!
Мы—дѣти тоски и глухихъ скорбей!
Мы—Хаоса̀ души! Сойди заглянуть
Ночныхъ очей въ пустую муть!

Мы—смута и стоны, Орфей, Орфей!
Мы путъ препоны, тугу цѣпей
Хотимъ стряхнуть! Сойди зачерпнуть,
Захлебнуть нашу горечь въ земную грудь!

Мы тѣлами сплелись, Орфей, Орфей!
Волосами свились, какъ поле змѣй!
Тоска намъ гложетъ бѣлу грудь—
Грудь хочетъ, не можетъ со дна вздохнуть!

Въ бѣлу грудь мы бьемъ, Орфей, Орфей!
Мы: Забудь—поемъ—о тюрьмѣ своей!
Отдай намъ, смертный, земную грудь—
Твой плѣнъ размыкать и разметнуть!

Размыкать, что̀ жило собой, Орфей,
Себя что̀ мнило тюрьмой своей!
Дай перси земныя—къ нимъ прильнуть,
Дай въ очи дневныя всей тьмой взглянуть!

ОРФЕЙ.

Вонмите, дѣвы ночного моря,
Мои напѣвы! Творите строй!
Уймите гнѣвы глухого горя!
Смирите ревы! Усни прибой!

Страшнѣе смуты, душнѣе путы—
Слѣпая вѣчность отца ночей:
Вы—быстротечность его минуты,
Вы—проблескъ лютый ночныхъ очей.

Но Хаосъ нудитъ мольбой святою
Въ семь плѣновъ Муза, и зиждетъ міръ
Дугой союза: и красотою
Прозрачной будетъ всѣхъ граней миръ.

Стозвучье браней—созвучье граней
Одинъ Вселикій во всемъ великъ!
Молчите, клики! Лучъ блещетъ ранній!
Лучите лики! Гдѣ лучъ, тамъ ликъ!

ОКЕАНИДЫ.

Чу, гребни-ль отронулъ Люциферъ ясный?
Чей лучъ проникъ до моихъ глубинъ?

О властнаго строя пѣвецъ прекрасный,
Сойди на кручи склоненныхъ спинъ!

И валъ разступчивый, валъ непокорный
Тебя, о звукъ золотой зари,
Взлелѣетъ, лобзая, надъ ночью черной:
Гряди по мнѣ и меня мири!

И главы змѣй моихъ не ужалятъ
Твоей ноги, огнезвучный День!
Миріады устъ тебя восхвалятъ,
Впивая слѣдовъ твоихъ огнетѣнь!

ОРФЕЙ.

Миротворите звонъ волненья!
Къ вамъ путь ему заря мститъ,
Кого безмолвьемъ исполненья
Міръ, освѣтленъ, благовѣститъ!

Его пришелъ я лирой славить;
И самъ ли путь я упрежду,
Который мнѣ дано исправить
По мнѣ грядущему?—Я жду...

Я жду. Исполнись кровью. Брызни,
Лучъ, жрецъ предвѣчнаго огня!
И ликъ твой жертвенный—меня
Вѣнчай во исполненье Жизни!

Что̀ ты, что̀ пророчишь, лебедь бѣлый,
Пѣснь подъемля пеней оробѣлой,
Бѣлопѣнный лебедь красоты?
Вижу, вижу свѣточи дубравы!
Мнѣ объ нихъ прошелестѣли травы,
И, клонясь, повѣдали цвѣты.

Близокъ сонмъ ихъ ярый. Тирсы о̀стры,
И горятъ неистовыя сёстры
Жертвы плоть лобзать, пронзать, терзать..
Ахъ, онѣ отъ полноты вкусили!
Ихъ дожди свершенiй оросили·
Богъ ведетъ ихъ—бога развязать!

Я жъ не сниду на живыя лона,
Солнце склона—встрѣтить лучъ восклона,
Не пройду спасительной тропой.
Опѣняйте жертвенникъ великiй,
Волны! Дивенъ жребiй мой двуликiй:
Солнце ночи, темною музыкой
Дня завѣтъ въ разрывахъ тьмы воспой!

ОКЕАНИДЫ.

Тише, тише, сестры—свѣты!
Сестры—свѣты тихихъ лонъ!
Ризой свѣтлой вы одѣты:
Близкiй, близкiй свѣтелъ онъ.
Свѣтлыхъ дѣвъ тебѣ привѣты,
Свѣтлоризый Аполлонъ!

ОРФЕЙ.

Въ мигъ роковой
Услышь мой жертвенный завѣтъ:
Изъ волнъ
Встань свѣтъ!..
(Солнце восходитъ)
Міръ—полнъ!

МЭНАДЫ.

Міръ полнъ.... Міръ полнъ...
Виръ волнъ! виръ волнъ!
Ты не эвой, ты не свой,
Орфей!.. Эвой!

Мы Титаны. Онъ младенецъ. Вотъ онъ въ зеркало взглянулъ:
Въ ясномъ зеркалѣ за моремъ ликъ его, дѣлясь, блеснулъ!
Мы подкрались, улучили полноты верховной мигъ,
Бога съ богомъ разлучили, растерзали вѣчный ликъ,

И гармоній возмущенныхъ вопіетъ изъ крови стонъ:
Вновь изъ волнъ порабощенныхъ краснымъ солнцемъ
встанетъ онъ.
Строя сѣмя, искра бога сердце будетъ вновь томить,
Отъ порога до порога къ невозможному стремить.

И когда чудесной властью исполненье вдругъ прильетъ,
Сердце вновь измѣнитъ счастью, нектаръ цѣльный разольетъ.
Вскрикнутъ струны искупленья, смолкнутъ жалобой живой...
Вновь разрывъ, и изступленья, и разстерзанъ Вакхъ! Эвой!

V.

ФУГА.

Пышныя угрозы
Сулицы тугой,
Осыпая розы,
Гонятъ сонмъ нагой;
Машутъ дѣвы-птицы
Тирсами въ погонѣ;
Съ горъ Сатиры скачутъ
Въ рѣзвости вакхальной.

Вейтесь плющъ и лозы!
Вижу сонмъ другой:
Спугнутыхъ Мэнадъ
Ввысь Сатиры гонятъ,
И подъ ихъ ногой
Умираютъ розы.
Плющъ и виноградъ
Тирсы тяжко клонятъ...
Бѣглыя зарницы
Тускло въ сонномъ лонѣ
Лунной мглы маячатъ:
Промелькнутъ на югъ

Съ сѣвера небесъ—
И на полдень вдругъ
Въ заводи зеркальной,
Дрогнувъ, свѣтъ блеснетъ...

Къ солнцу рвется садъ,
Гдѣ свой сѣвъ уронятъ
Духи вешнихъ чаръ,
Страстной пылью вѣя:
Тѣсенъ вертоградъ,
Стебли стебли клонятъ...
Творческій пожаръ
Въ вѣчность мчитъ Идея.
И за кругомъ кругъ
Солнечныхъ чудесъ
Слѣдомъ жаркихъ дугъ
Обращаютъ, блеща,
Сферы—и клубятся
Сны міровъ толпою;
Въ вѣчность не уснетъ
Огнеокій бредъ...

Взвейте свѣточъ яръ!
Въ славу Промеѳея
Смоляной пожаръ,
По̀ вѣтру лелѣя,
Въ бѣшенствѣ погони
Мчатъ Аѳинъ эфебы
Чрезъ уснувшій лугъ,
Чрезъ священный лѣсъ...
Въ сумракахъ округъ,
День мгновенный мѐща,
Зарева дробятся..

Гулкою тропою
Мчатъ любимцы Гебы
Даръ святой, и въ пѣнѣ
Огненосцы—кони...
Свѣтъ умретъ, гонимъ, —
Вспыхнетъ свѣтъ за нимъ
Въ солнцеокой смѣнѣ...
Кто изъ васъ спасетъ
Вѣющее знамя,
Промеѳея пламя
Къ мѣтѣ донесетъ,
Сверстники побѣдъ?

ТЕМНИЦА.

Кипарисовъ строй зубчатый—
Стражей черныхъ копія.
Твердь сѣчетъ луны серпчатой
Крутокормая ладья.

Мѣдной грудью сонно дышитъ
Зыби тусклой пелена;
Чуткихъ иголъ не колышетъ
Голубая тишина.

Душенъ свѣтъ благоуханный,
Ночь недвижна и нѣма;
Блѣдноликой, бездыханной
Прочь бѣгутъ и день и тьма.

Мнѣ два кладезя—два взора—
Тьму таятъ, и солнце дней.
Къ нимъ тянусь я изъ дозора
Мертвой свѣтлости моей.

Рока кладязи, двѣ бездны,
Уронилъ на ваше дно
Я любви залогъ желѣзный—
Плѣнной вѣчности звено.

Вы кольцо мое таите:
Что жъ замершія уста
Влагой жизни не поите?...
Тьма ли въ васъ, какъ свѣтъ, пуста?..

«Милый, милый!..» О, родная!
Я повѣрилъ, я приникъ:
Вижу—блещетъ глубь ночная,
Зыблетъ смутно мой двойникъ.

Мнѣ жъ замкнутъ тайникъ бездонный,
Мнѣ не пить глубокихъ волнъ...
Въ небѣ кормщикъ неуклонный,
Стоя, правитъ блѣдный челнъ...

НА ЧУЖБИНѢ.

Мое томленіе, свѣтила темной ночи,
Вы видите! Въ странѣ родной,
Когда я возводилъ съ земной надеждой очи
На васъ, цари судьбы земной?

Житейское оставивъ попеченье
О вѣчномъ, о достойномъ васъ
Я съ вами говорилъ. А нынѣ, въ заточеньѣ,
Допросъ единый къ вамъ: придетъ ли воли часъ?

Гляжу на васъ съ тоскою суевѣрной—
И дѣтски жду:
Услышанныхъ молитвъ увижу ль признакъ вѣрный—
Падучую звѣзду?

ГОРНАЯ ВЕСНА.

Л. Д. И—вой.

I.

Весна вошла въ скитъ бѣлый горъ,
Въ глухихъ снѣгахъ легла.
Весь нагъ и черенъ мой бугоръ.
Изъ глуби дышитъ мгла.

Жизнь затаилъ прозрачный лѣсъ...
О, робкій перекликъ!
О, за туманностью завѣсъ
Плѣнительность уликъ!

О, перекликъ пѣвучихъ душъ,
Протяжный, томный свистъ!..
И пусть дубовъ рыжѣетъ сушь,—
Вотъ, вотъ младенецъ-листъ!

Тѣснясь, пронзаютъ перегной
Мечи стеблистыхъ травъ...
Снѣгъ сизый стынетъ: день за мной
Потухъ въ зубцахъ дубравъ.

II

Вы, розы вознесенія,
Сіяйте предо мной!
Клубится мгла весенняя
Глубинной пеленой.

Васъ сладко дремноокая
Не возмутитъ Весна:
На васъ зима глубокая
Недвижна и ясна.

Плыветъ пыланье темное
Въ медлительной крови,
А сердце неистомное
Стучитъ, стучитъ: живи!

Душа скорбитъ усталая,
Въ ней кладези чернѣй...
Открыла снѣжность талая
Оплечія корней.

III.

Въ васъ, сосенки зеленыя,
Хмель бродитъ бдящихъ силъ!
А кущи оголенныя,
Какъ выходцы могилъ,

Сѣрѣющими тѣнями
Прямы стоятъ и ждутъ,
Что̀ зорями весенними
Судьбины напрядутъ,—

Что̀ власти чудотворныя
Навѣютъ въ пустынь горъ,—
Къ веснѣ небесъ, покорныя
На тайный приговоръ,

Простерлися,—готовыя
Шумя зазеленѣть
И славить солнца новыя,—
И въ смерти костенѣть...

IV.

«Кто снѣгъ мой лижетъ?
Чья воля движетъ
Мою истому?
Вы сгиньте, обманы!
Укройте, туманы,
Храните глубокую дрёму!»

V.

Всклубясь, межегорія зыбкій
Туманъ застилаетъ, какъ дымъ,
Просвѣченъ весенней улыбкой
И полднемъ небесъ молодымъ,—

Какъ будто волшбой бѣловѣйной
Свидѣтеля тайны слѣпитъ,
А долу котелъ чародѣйный
Въ парахъ густоструйныхъ кипитъ.

VI.

Вздыбились космы снѣговыя
Въ мѣдяномъ маревѣ гребней,
Какъ гривы бурно-огневыя
Далече пышащихъ коней.

Грозя, мерцаетъ призракъ горный
Чрезъ сизый пеплъ и мракъ завѣсъ.
Чуть зримъ во мглѣ предѣлъ озёрный,
Какъ бы за нимъ Аидъ воскресъ,

Какъ бы за вставшей Персефоной
Въ лугахъ съ подснѣжникомъ весны—
Погналъ свой упрягъ мѣдноконный
Царь преисподней глубины.

VII.

И въ тѣнь удолій, опечалены,
Нисходимъ отъ прозрачныхъ нѣгъ...
Вдругъ, южнымъ просвѣтомъ ужалены,
Измлѣли зимы, стаялъ снѣгъ...

За дебрью синь сквозитъ глубинная,
И смолью зноя пышетъ ель.
Сплетенья вязовъ паутинныя
Небесный умиряютъ хмель.

Пары жемчужные, лилейные
Клубятся, сизы и бѣлы...
Кружите, силы свѣтовѣйныя!
Круглитесь, ясные стволы!

Вторженій солнечныхъ надъ гранію.
На рубежѣ лучей и зимъ
Взыграемъ мы съ весною раннею
И огнь небесъ отобразимъ!

Сплетемъ въ вѣнки плющи пурпурные
Что по корнямъ ползутъ, віясь!
Возславимъ плѣнности лазурныя—
Глубокой Смерти ипостась!

Юра.

VI.

ХОРЫ МИСТЕРІИ.

I.

ХВАЛЕНІЕ ДУХОВЪ БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИХЪ.

Хвалите Бога, силы сферъ!
Хвалите Бога, души нѣдръ!
Безсонный ключъ въ ночи пещеръ!
На высотахъ шумящій кедръ!

Хвалите Бога, бурь уста!
Ревучій дождь и бьющій градъ!
И радугъ Милости врата!
И Мира влажный вертоградъ!

И горъ незыблемый порывъ!
И летъ приземный плѣнныхъ крылъ!
И все, что Богъ избралъ, открывъ!
И все, что, возлюбивъ, сокрылъ!

Валъ, громъ, и трусъ, и плачъ и стонъ,
И рыкъ и ревъ, и пѣснь и рѣчь,
Душъ легкихъ лепетъ, струнный звонъ,
Звукъ—отзвукъ, систръ, и серпъ, и мечъ!

И каждый вздохъ, и каждый глазъ!
И каждый гладъ, и каждый трудъ!
Въ лучѣ проснувшійся алмазъ!
Во мракѣ—сила тайныхъ рудъ!

Въ эѳирѣ пламенномъ орлы!
И рыбы струй, гдѣ пьетъ луна!
Святилища чреватой мглы!
Геенны нѣдръ, и перлы дна!

Славь Бога, Солнце! пой, Луна!
Звѣздъ зримый и незримый клиръ!
Пространства,—вы! вы,—времена,
Что̀, разлучивъ, сомкнули міръ!

И золотой Избытка смѣхъ,
И рдяный плодъ, и пьяный гроздъ,
И дня сверкающій доспѣхъ,
И лунный лёнъ, и пологъ звѣздъ, —

Хвалите Бога!—какъ роса,
Какъ вѣнчики цвѣтовъ въ росѣ:
Въ росинкѣ каждой—небеса,
Въ душѣ единой—души всѣ!

И каждый брызгъ надъ глубиной,
И каждый облакъ высоты,
И каждый лучъ въ листвѣ лѣсной,
Въ живомъ смарагдѣ красоты,—

Хвалите Бога!—Жизнь и Смерть,
Прибой и остовъ корабля,
Богострадальная Земля,
И боговидящая Твердь!..

Пустыня-мать! твои уста—
Стенаньемъ львовъ, дыханьемъ травъ
И вѣщимъ ропотомъ дубравъ—
Зовутъ лобзаніе Христа!

II.

ХВАЛЕНІЕ ДУХОВЪ-ИСПРАВИТЕЛЕЙ.

Хвалите Бога, слуги каръ,—
Пила и жерновъ, млатъ и горнъ!
Въ огняхъ Сахаръ озёра маръ!
Грай-воронъ тучъ,—и кручь, и тёрнъ!

Пущъ безъисходныхъ глушь и темь!
Сугробовъ безотзывныхъ ночь!—
Надъ краемъ, гдѣ разверста стремь,
Рука, простертая—помочь!

О тѣнь руки въ перчаткѣ сѣчъ!
Грозящихъ проблески кольчугъ!
Взнесенный чьей-то местью мечъ!
Слезъ чьихъ-то выпавшій жемчугъ!

Изъ тьмы зовущая рука!
Далекій огонекъ болотъ!
Непроходимая рѣка!
Въ мятущейся пучинѣ плотъ!

И вы, о демоны ушей,
Шептаній дремныя мечты,
И зубъ полуночныхъ мышей,
И зовъ полдневной пустоты!

Цѣпы Господняго гумна!
Трясины мѣстъ, гдѣ гать зыбка!
Сыпучій хрящъ, гдѣ глубь темна!
Ледъ талый, гдѣ тропа топка!

Вы, свѣчи глазъ во мглѣ лѣсной!
И тихихъ рысканье звѣрей!
И гроботеса стукъ ночной
У счастья запертыхъ дверей!

Топоръ дубравной цѣлины!
Предчувствій тѣсная тоска!
Благоуханный вихрь весны
Надъ зябнущимъ, чья грудь узка!

Вы, что̀ мостомъ могильныхъ плитъ
Творите лѣстницы святынь!
Вы, что̀ въ ковши, гдѣ медъ разлитъ
Укора каплете полынь!

Туманъ унынья, чья роса
Трезвитъ надменья буйный хмель!
Попутный вѣтеръ, паруса
Надежды гонящій на мель!

Вы, пастыря желѣзный жезлъ!
Овчарки божіихъ овецъ!
Крушители могущихъ чреслъ!
Опустошители сердецъ!..

Хвалите Бога, о рабы
Сновъ горькихъ, ловъ Его сѣтей,
Слѣпцы пылающихъ путей,
Костры гасимые Алчбы!

III.

ХВАЛЕНІЕ ДУХОВЪ-БЛАГОВѢСТИТЕЛЕЙ.

Хвалите, лиліи небесъ,
Затворный пойте вертоградъ!
Храните, лиліи оградъ,
Замкнутый вертоградъ чудесъ!

Растите, вѣстницы чудесъ,
Обѣтованія долинъ!
Гдѣ небомъ дышитъ сельный кринъ,
Разоблачится садъ небесъ!

Благовѣстители чудесъ,
Несите лиліи въ перстахъ,
Несите Имя на устахъ
Сладчайшее лилей небесъ!

Музыкъ сладчайшее небесъ
Благоуханіе Души,
Что̀ Розой зыблется въ тиши
Неотцвѣтающихъ чудесъ!

ПРИМѢЧАНІЕ О ДИѲИРАМБѢ.

Стихотворенія, соединенныя въ IV-мъ отдѣлѣ этой книги («Ганимедъ», «Геліады» и «Орфей»), задуманы въ духѣ античныхъ диѳирамбовъ, предназначавшихся для музыкальнаго исполненія въ маскахъ и обстановкѣ трагической сцены.

Открытіе въ египетскихъ папирусахъ Британскаго музея, въ 1896 году, между гимнами Бакхилида группы стихотвореній, извѣстныхъ древности (какъ это выдаетъ одна случайная на нихъ ссылка) за «диѳирамбы», — существенно измѣнило наше дотолѣ неполное и противорѣчивое представленіе объ этомъ родѣ древней поэзіи. Неожиданно встрѣтили мы въ этихъ остаткахъ діонисической лирики строфическое строеніе, отсутствіе котораго уже съ Пиндара являлось обычнымъ признакомъ диѳирамба. Ни одной изъ внутреннихъ особенностей такъ называемаго «новаго диѳирамба», намъ сравнительно болѣе знакомаго, мы не находимъ въ воскресшихъ пѣснопѣніяхъ начала V вѣка. Наконецъ, въ одномъ стихотвореніи названной группы— передъ нами образчикъ сценическаго діалога, начатки котораго въ древнѣйшемъ диѳирамбѣ такъ важно установить для уразумѣнія свидѣтельствъ о происхожденіи трагедіи изъ діонисическихъ хоровъ.

Мы сочли умѣстнымъ обратить вниманіе читателей ниже сообщаемымъ переводомъ на этотъ исключительный по своему историко-литературному значенію памятникъ. Какъ бы ни ставился вопросъ о происхожденіи греческой трагедіи, въ формѣ Бакхилидова «Тезея» нельзя не видѣть звена, соединяющаго трагедію съ первоначальнымъ діонисическимъ хоровымъ «дѣйствомъ». Повидимому, первоначальный культовой диѳирамбъ, выдѣливъ изъ себя трагедію, продолжалъ утверждаться въ своей лирической особенности и породилъ параллельную трагедіи форму, образецъ которой передъ нами.

Эта параллельная форма (независимо отъ возможностей соревнующаго подражанія) сохраняетъ исконныя, родовыя черты трагедіи и, конечно, прежде всего ту изъ нихъ, которая въ глазахъ древнихъ являлась рѣшающей въ вопросѣ о принадлежности произведенія трагической или, что то же, діонисической Музѣ: диѳирамбъ діонисиченъ по духу.

Въ самомъ дѣлѣ, съ тою же автономностью непосредственнаго чувства, съ какою мы субъективно рѣшаемъ, «поэтично» или нѣтъ то или другое поэтическое по формѣ произведеніе,— древніе утверждали, что одна трагедія (хотя бы и не затрогивавшая прямо діонисическаго миѳа), какъ, напримѣръ, Эсхилова «Семь противъ Ѳивъ», — «полна Діониса», а другая — «ничего Діонисова» въ себѣ не содержитъ. Это различеніе кажется отголоскомъ эпохи, когда диѳирамбъ и трагедія начали расширять ограниченный культомъ кругъ своего содержанія путемъ перенесенія Діонисовыхъ чертъ на новыхъ героевъ, возникавшихъ какъ бы масками или ипостасями божественнаго героя трагическихъ пассій.

Въ нашемъ диѳирамбѣ никѣмъ не узнанный Тезей, сынъ выступающаго передъ зрителями Эгея, приближается, еще не видимый, какъ готовое встать солнце, наполняя театръ тѣмъ характеристическимъ для древней Мельпомены ожиданіемъ, тѣмъ смятеннымъ и жуткимъ предчувствіемъ назрѣвающаго рока, которое мы равно находимъ въ «Семи противъ Ѳивъ» и «Персахъ», въ «Ресосѣ» и «Эдипѣ - Царѣ». Тезей приближается, какъ самъ Діонисъ, двуликій, могущій явиться благотворящимъ или губительнымъ,—приближается для торжествъ и славы или для бѣдствій, какъ его страдающій первообразъ. Въ сосѣднемъ диѳирамбѣ Бакхилида, «Тезей и Отроки», діонисическія черты сверхчеловѣческаго Тезеева облика еще болѣе явны.

Общее впечатлѣніе или ничтожно, или музыкально по преимуществу. Все внѣшнее только намѣчено, чтобы открыть просторъ внутренней діонисической музыкѣ. Изъ лона этой музыки ясно подымаются голоса трагическаго страха передъ героемъ, какъ носителемъ рока, и трагическаго страха за его судьбу родственнаго тому «состраданію», о которомъ говоритъ Аристотель въ своемъ опредѣленіи трагедіи: ибо въ праздничныхъ

торжественныхъ Аѳинахъ ждутъ Тезея предуготованныя ему рокомъ опасности, какъ это вѣдомо и памятно было древнему зрителю. Эти музыкальныя и трагическія ощущенія подчеркиваются словами: «Что-то будетъ? Чему дано свершиться?»— такъ напоминающими Эсхилово: «Плачъ сотворите, но благо да верхъ одержитъ!» (въ «Агамемнонѣ»).

Переводъ диѳирамба сдѣланъ «размѣромъ подлинника», причемъ подъ этимъ условнымъ обозначеніемъ разумѣется, что послѣдовательность русскихъ ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ соотвѣтствуетъ послѣдовательности греческихъ ѳесисовъ и арсисовъ. Въ защиту принципа этой передачи можно указать его противникамъ на тотъ рѣшающій фактъ, что переводъ, сохранившій античный метръ въ вышеуказанномъ смыслѣ, можетъ быть пѣтъ подъ исконную мѣру древняго гимна. Такъ, помѣщенный нами въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1899 годъ и вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ переводъ первой Пиѳійской Оды Пиндара соотвѣтствуетъ музыкальнымъ нотамъ къ той же одѣ (какъ бы ни рѣшался вопросъ объ ихъ подлинности), по рукописи Мессинской библіотеки. Ритмическія возможности нашего языка необозримы; ихъ осуществленіе зависитъ отъ личнаго искусства. Поэтическій истолкователь чужого стихотворенія, перемѣняющій его метръ и ритмъ, подмѣниваетъ иною, чуждою—его музыкальную душу.

ТЕЗЕЙ.

ДИѲИРАМБЪ БАКХИЛИДА.

ХОРЪ.

Провѣщай слово, святыхъ Аѳинъ царь,
Роскошныхъ Іо́нянъ властодержецъ!
Продребезжала почто̀ трубы мѣдь?
Пѣснь бранную зычно протрубила?
Али нашей земли концы
Обступилъ и ведетъ грозу сѣчъ

Враждебныхъ ратей вождь?
Иль, умысливъ недоброе,
Грабятъ хищники пастуховъ стадъ,
Овецъ угоняютъ плѣнъ?..
Что же сердце твое мятетъ, царь?
Вѣщай! Али вдосталь, кругъ твоихъ раменъ,
Нѣтъ надёжи—дружинниковъ,
Юныхъ, сильныхъ витязей?
О, Пандіона чадо и Креузы!

ЭГЕЙ.

Приспѣшилъ скорой стопой гонецъ, пѣшъ,
Онъ долгій измѣрилъ путь Истмійскій,—
Провозвѣстить несказанныхъ дѣлъ вѣсть,
Что нѣкій содѣлалъ мужъ великій.
Исполинъ отъ его руки,
Колебателя суши сынъ, палъ—
Насильникъ—Синисъ палъ!
Отъ губительной веприцы
Вызволилъ Креміонскій лѣсъ онъ.
Скиронъ, беззаконникъ, мертвъ.
Ужъ не мѣритъ съ гостьми тугихъ мышцъ
Въ борьбѣ Керкіонъ. И молотъ выронилъ
Полипемона сынъ—Прокоптъ.
Мощь мощнѣйшій превозмогъ.
Что-то будетъ? Чему дано свершиться?

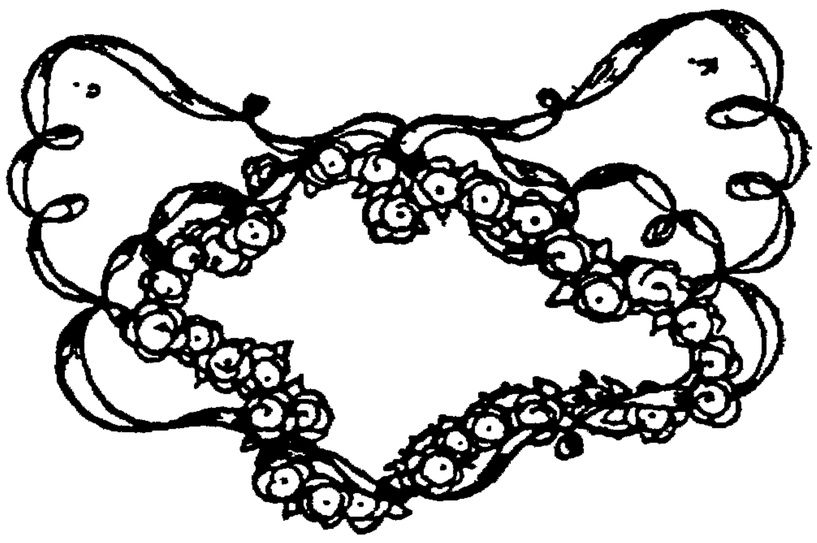
ХОРЪ.

И отколь сей богатырь, и кто онъ,—
Повѣдалъ ли вѣстникъ? Ратной справой
Вооруженъ ли, одержитъ полкъ многъ
Съ нарядомъ воинскимъ? Иль, скиталецъ
Бездоспѣшный, блуждаетъ онъ,
Мнимый пришлымъ купцомъ, одинъ, въ край
Изъ края, чуждый гость?

А и сердцемъ безтрепетенъ,
И могутенъ плечьми о тѣхъ мощь
Извѣдавшій крѣпость мышцъ!
Съ нимъ подвигшій его стоитъ богъ
Промыслить отмщенье дѣлъ неправедныхъ!
Но вседневныхъ межъ подвиговъ
Остеречься ль злой бѣды?
Время долго: всему свой часъ свершиться!

ЭГЕЙ.

Со двумя гриднями держитъ путь мужъ,
Повѣдалъ гонецъ. Виситъ булатный
Заповѣдно́й кладенѐцъ съ бѣлыхъ плечъ;
Въ рукѣ два копья о дре́вкахъ гладкихъ;
Да чеканки лаконскія
Сверхъ кудре́й огневыхъ шеломъ свѣтлъ;
Хитонъ на персяхъ рдянъ;
Плащъ поверхъ, ѳессалійскихъ рунъ.
Очи полымя ярыхъ жерлъ льютъ—
Лемносскихъ горнилъ ключи.
Первымъ юности цвѣтомъ юнъ онъ;
По се́рдцу ему потѣхъ да игрищъ вихрь,
Тѣ ли игры Ареевы,
Мѣднозычныхъ битвъ пиры—
И взыскалъ онъ Аѳинъ пышнолюбивыхъ.



СОДЕРЖАНІЕ.

I.

стр.

Поэты Духа 3
Прозрачность. 4
Небо живетъ 6
Долина—храмъ 8
Душа сумерекъ 9
Fio, ergo non sum 11
Темь 13
Отзывы 15
Безконечное 16
Слоки 17
Крестъ зла 19
Персефона 20
Двѣ любви 22
Дріады 23
Панъ и Психея 26
Увѣнчанные 27
Воззрѣвшіе 29
Лѣто Господне 31
Радуги 33
Хмель 37
Пришлецъ 38
Царство Прозрачности. I. Алмазъ 39
II. Рубинъ 40
III. Изумрудъ 41
IV. Сафиръ 42
V. Аметистъ 43
VI. Искушеніе прозрачности 44

стр.

II.

Два голоса 47
Леманъ 48
Мадонна высотъ 51
Лилія 53
Раскаяніе 54
Ясность 55
Полнота 56
Синева морей 57
Ты—море 58
Золотое счастіе 59
Пѣсни Дафниса. I. Цикады 61
II. Испытаніе 63
III. Весна 65
IV. Гроза 67
V. Аполлонъ влюбленный 69
La luna somnambula 71
Цвѣты 72
Седьмой день 73
Недвижное 74
Осенью 75
Желѣзная осень 76
Эподъ 77
Трамонтана 79
Обновленіе 80
Нарциссъ 81
Съ пути 83
Художникъ и поэтъ 84
Пушкинъ у Онѣгина 85
Современники I. Valerio vati 86
II. Ему же 87
III. Sole sato 89
Кочевники Красоты 90
Beethoveniana 92

III. СОНЕТЫ.

Печаль полдня 97
«Прекрасное—мило». Триптихъ 98
Алканіе 101

стр.
«Transcende te ipsum» 102
Пустынникъ духа 103
Кто? Триптихъ 104
Gli spiriti del viso 107
Подражанія Платону. Триптихъ 108
Товарищамъ. I. Латинскій кварталъ 111
II. Dem Weltverbesserer 112
III. Переводчику 113
IV. La faillite de la science 114
V. Аспекты 115
Кассандрѣ 116
Кармилъ 117

IV.

Ганимедъ 122
Геліады 124
Орфей растерзанный 134

V.

Фуга 141
Темница 144
На чужбинѣ 146
Горная весна I—VI 147

VI. ХОРЫ МИСТЕРІИ.

Хваленіе духовъ благословляющихъ 157
Хваленіе духовъ исправителей 160
Хваленіе духовъ благовѣстителей 163

ПРИМѢЧАНІЕ О ДИѲИРАМБѢ.

Примѣчаніе о диѳирамбѣ 167
Тезей. Диѳирамбъ Бакхилида 169